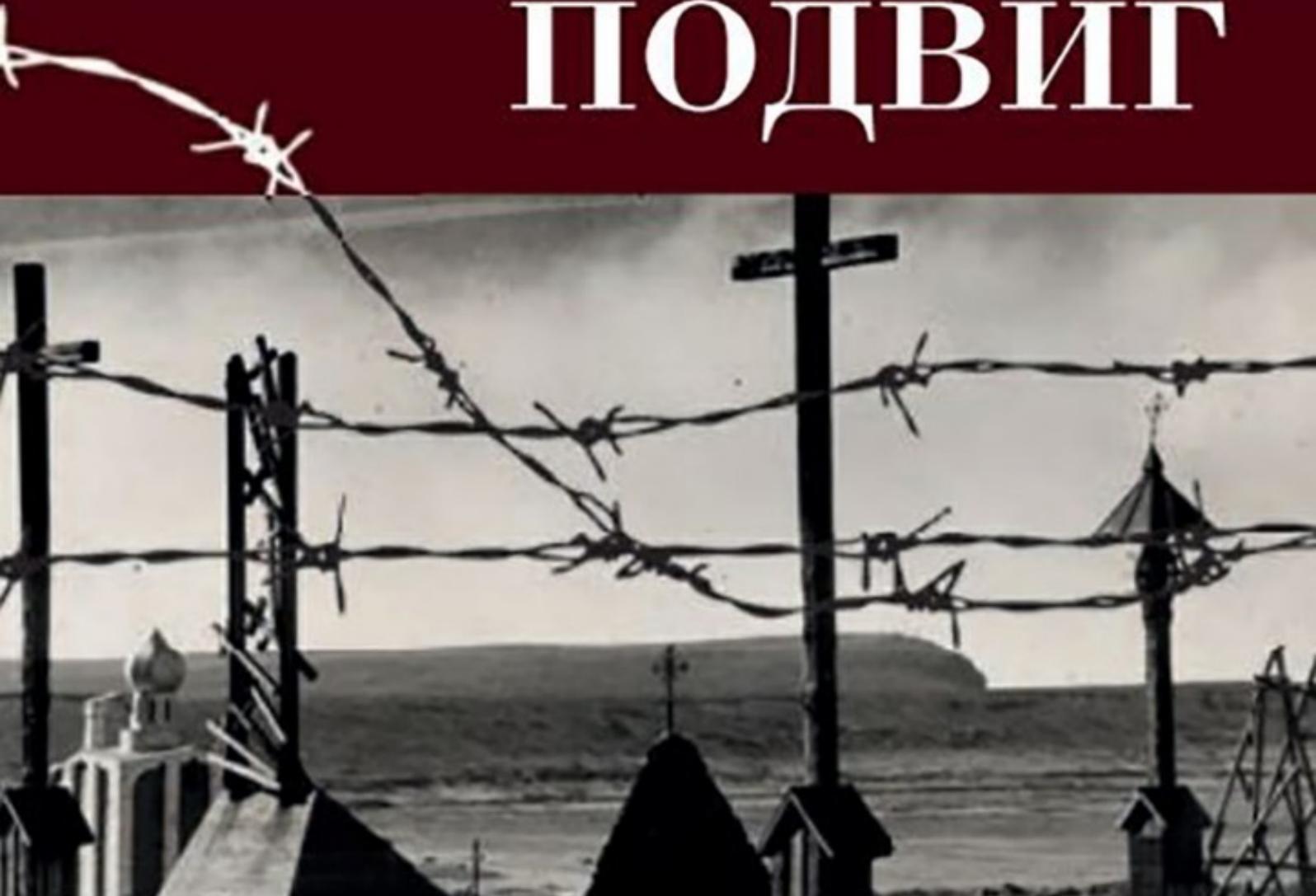

Эдгарт Альтшулер

ЖИЗНЬ как ПОДВИГ

Эдгарт Альтшулер
Жизнь как подвиг

«Издательские решения»

Альтшулер Э.

Жизнь как подвиг / Э. Альтшулер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908845-1

Это честная, горькая, искренняя и вдохновенная книга о людях Норильска. О тех, кто оказался произволом «закона» и судьбой брошенным в нечеловеческие условия — и смог остаться человеком. О тех, кто сумел построить комбинат мирового значения и не позволил зловещим обстоятельствам разрушить храм собственного духа. Эти люди внешне кажутся обыкновенными, но авторский взгляд проникает внешние завесы, освещая сокровищницу тайников души.

ISBN 978-5-44-908845-1

© Альтшулер Э.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть 1. Горькая правда жизни	10
Глава 1. Крутов	10
1.1	10
1.2	12
1.3	15
1.4	16
1.5	18
1.6	19
1.7	20
1.8	21
1.9	23
1.10	25
1.11	26
1.12	27
1.13	28
1.14	29
1.15	31
1.16	33
Глава 2. Аглая	35
2.1	35
2.2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Жизнь как подвиг

Эдгарт Альтшулер

*Где ветры соревнуются в бегах,
Где на морозе кровь густеет в жилах,
Окутанный метелью белокрылой
Мой город гордо высится в снегах.*

© Эдгарт Альтшулер, 2018

ISBN 978-5-4490-8845-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эпоха ГУЛАГа завершилась в Норильске де юро в 1956 году, но де факто она существует в памяти людей до сегодняшнего дня.

Норильск – это коллективный памятник вольнонаемным и заключенным, жившим и работавшим в экстремальных условиях Крайнего Севера.

Я приехал в Норильск в 1963 году по распределению Новочеркасского политехнического института. Мне так интересно рассказы вал об этом городе товарищ моего старшего брата, находившийся в это время в отпуске, что у меня не было и тени сомнения в правильности своего выбора. Я совсем не думал о том, что Норильск раньше был местом заключения сотен тысяч человек. Что там очень холодно и несколько месяцев не бывает солнца. Меня с невероятной силой влекла в Норильск романтика Крайнего Севера.

В Норильске я встретился с удивительными людьми, которые, пройдя через страшные испытания сталинской эпохи, сумели сохранить человечность и порядочность, честь и жизнелюбие. Благодаря этим людям, суровый северный край стал для меня на долгие годы родным домом.

Памяти своих замечательных норильских друзей, многих из которых, к глубокому сожалению, уже нет в живых, я посвящаю эту книгу.

Пролог

Прошло четыре года, как Владимир Дмитриевич Калмыков уехал из Норильска. Здесь он прожил тридцать пять лет, из них девять на ходился в заключении. Сейчас он вернулся в Норильск, чтобы посетить кладбище, на котором была похоронена его жена Беатрис. Раньше, когда его друзья жили в Норильске, они ухаживали за ее могилой – приносили цветы, следили за оградкой, поправляли па мятник. Сейчас никого из них уже не было в живых.

Владимира Дмитриевича в аэропорту «Норильск» встречал его бывший водитель Николай, которому он позвонил из Москвы. Сев в машину на привычное для себя второе сиденье, он с интересом смотрел в окно автомобиля. За годы его отсутствия в Норильске практически ничего не изменилось. Как ни странно было сознавать, вспоминая все пережитое, но Владимир Дмитриевич вдруг почувствовал, что Норильск – родной ему город, с которым связано очень много в его жизни.

Шоссе из аэропорта до города проходило через промышленную зону. В ней когда-то на месте ныне существующих складов рас полагались бараки четвертого отделения Норильского исправительно-трудового лагеря Норильлаг. В этом отделении Владимир Дмитриевич Калмыков отбывал наказание. Он попросил Николая остановить машину около лагерных ворот. За воротами не было слышно обычного шума от находящейся внутри замкнутого пространства большой массы людей, жуткого лая собак, резких окриков охраны и одиночных выстрелов. На вышках не было часовых. Все было тихо и мирно, как будто ничего и никогда в этом месте, далеко за Полярным кругом, не происходило.

Ворота были открыты, и Владимир Дмитриевич беспрепятственно зашел на территорию бывшего лагеря. Сразу неизвестно откуда прибежала большая, заросшая по самые глаза шерстью собака и пару раз на него гавкнула, отработывая свою сторожевую роль. За собакой появился человек с грозным выражением лица и винтовкой на плече. На мгновение Калмыкову показалось, что он раньше его где-то видел. Человек быстрым шагом направился в сторону Калмыкова и хриплым голосом спросил:

– Что Вам здесь нужно? Покиньте территорию базы.

– А почему у Вас открыты ворота охраняемого объекта? – вопросом на вопрос ответил Калмыков.

Сторож почему-то принял Владимира Дмитриевича за какое-то норильское начальство и стал оправдываться:

– Мы днем ворота не закрываем: грузы привозят и увозят, люди ходят туда-сюда. И, вообще, много суеты.

Потом вдруг спохватился, что не потребовал у непрошеного гостя документы.

– А кто Вы, собственно говоря, такой?

– Я много лет провел в этом лагере, будучи заключенным. Просто хотел взглянуть на кусок своей бывшей жизни.

– Посмотрели, ну и хорошо. А теперь немедленно покиньте территорию объекта.

При этом для устрашения передернул затвор винтовки и добавил несколько слов матом.

Владимир Дмитриевич не стал пререкаться со сторожем и вышел за ворота базы. Отойдя от ворот на несколько метров, он встал около забора и оперся на какой-то столб. И вдруг все вокруг него поплыло. Жар опалил грудину. Стало трудно дышать. Его лицо покрылось потом и ему послышалось, что сторож хриплым голосом орет:

– Первый пошел... Второй пошел... Быстрей, сволочь безродная...

В памяти Владимира Дмитриевича на мгновение ожила картина страшного времени его пребывания в норильском лагере. Среди таких же, как он сам – обмороженных, искалеченных, неоднократно униженных и оскорбленных людей.

Политических заключенных в бараке было четверо: молодой человек Файвус Золотой, обвиненный в диверсии с грузовым пароходом, кадровый офицер Исаак Маркович Рожанский, оказавшийся в немецком плену, талантливый ученый Игорь Николаевич Васильев, поставивший на место зарвавшегося советского чиновника, и московский инженер Владимир Дмитриевич Калмыков, позволивший себе открыто похвалить западную архитектуру. Все они были осуждены по пятьдесят восьмой статье и провели в Норильлаге много лет. Освободившись из заключения, эти люди, несмотря на разный возраст, уровень образования и занимаемые должности, продолжали регулярно общаться друг с другом, встречаясь по субботам в бане. Их объединяла не только память о страшных годах, проведенных вместе в норильском лагере, но и мужество, которое они при этом проявили.

В бане «Васильева», как ее называли в Норильске, дверь всегда была открыта для всех. Сюда приходили бывшие заключенные и вольнонаемные, старожилы и недавно приехавшие, пожилые и молодые. Данные визиты никого никогда не смущали и поэтому, облачившись в простыни, через короткое время незнакомые люди уже чувствовали себя своими в банной компании. Здесь обсуждались разные проблемы: производственные, спортивные, международные и даже семейные. Собравшиеся с удовольствием принимали в этих разговорах участие. Страсти накалялись только тогда, когда кто-нибудь затрагивал лагерную тему. Здесь уже никто не оставался равнодушным. Каждый старался эмоционально высказать свою точку зрения.

Однажды Васильев, которому на казахстанском этапе конвойные поломали обе руки, схватился с одним из гостей. Этим гостем был Виктор, сын одного из руководителей Норильского горно-металлургического комбината. Причиной спора между ними на повышенных тонах стало заявление Виктора:

– Охранники так же, как и заключенные, были в лагере разные. Среди них были и вполне вменяемые, нормальные люди. Я в Норильске родился, вырос, закончил школу. У меня в этом городе много друзей и знакомых. Я знаю, о чем говорю.

На что Васильев жестко ему ответил:

– Такого не может быть. В лагерной охране не было нормальных людей. Там работали всегда одни подонки.

Слово за слово, факт на факт, и в воздухе запахло большим скандалом. На сторону Васильева встал Файвус. Его в период заключения в Норильске в результате побоев и издевательств сделали стопроцентным инвалидом. И когда достаточно мирный в на чале, разговор, перешел чуть ли не в драку, Владимир Дмитриевич Калмыков, самый старший по возрасту в банной компании, спокойным тоном предложил:

– А хотите – я приведу к нам в баню настоящего охранника? Он у меня в настоящее время, после расформирования зоны, работает в отделе снабжения. Зададим ему в неформальной обстановке интересующие нас вопросы и получим, как говорится, исчерпывающую информацию из первых рук.

– Не надо никого приводить, – вдруг подключился к разговору до этого момента молчавший Исаак Маркович Рожанский. – Лучше послушайте, что я Вам расскажу. В 1942 году, после заброски в тыл врага, я попал к немцам в плен. То ли людей в лагерной охране не хватало, то ли все пленные в любом случае подлежали полной ликвидации, но меня назначили старшим по бараку.

– Как это Вас могли назначить старшим по бараку – еврея, коммуниста? – задал Исааку Марковичу вопрос Виктор, который до этого спорил с Васильевым.

– А вот так. Ты слушай и не перебивай. Люди знают мою жизненную историю. А тебе я когда-нибудь ее отдельно расскажу. Если свободное время будет.

– Ладно, слушаю Вас.

– Ну, так вот. В моем бараке было около шестидесяти человек. Много, кстати, среди них было раненых и больных. Всех ежедневно выгоняли на тяжелые работы. При этом немцы практически перестали военнопленных кормить, так что они еле-еле таскали ноги. В этой должности я пробыл недолго – примерно три недели. Но этого времени было достаточно, чтобы познакомиться практически со всеми обитателями барака. Каждую ночь кто-то из них подползал к моим нарам, присаживался на корточки и что-то тихо шептал. В основном жаловались на свою жизнь и что-то для себя клянчили. Только один раз меня разбудил под утро молодой парень, у которого друг умирал, и, весь в слезах, попросил ему помочь.

– Ну, и что Вы этим хотите сказать? – стал Виктор торопить Исаака Марковича.

– А то, что жизнь по обе стороны колючей проволоки – весьма сложное явление. Неизвестно, кто и как себя в этой критической ситуации поведет. Сначала я думал, что все заключенные думают только о том, как бы им в этих непростых условиях выжить. А потом понял: одни стараются это сделать за счет собственных сил, характера, воли, а другие хотят свои проблемы переложить на чужие плечи. Вот это страшно, а остальное все можно в лагере пережить.

– Я, вообще, Исаак Маркович, не понял, – резко заметил Васильев. – При чем тут немцы? Для них русские военнопленные были не люди, а скоты. Я же говорю о норильской зоне и о тех, кто здесь нас охранял. И вообще, ты что, их оправдываешь?

– Никого я не оправдываю. Ты сам хорошо знаешь, через что мы в лагере прошли. Только не все охранники были подонками, как ты, Васильев, их назвал. Были, конечно, среди них зомбированные, законченные негодяи, которые служили режиму по призванию, вдохновенно и преданно. А были и те, кто работал в норильском лагере по окончании института, по призыву в армию или еще по каким-то причинам. Так что наш молодой гость в какой-то степени прав.

– Опять не понял. Кто же тогда должен ответить за то, что из норильской зоны вышло столько морально и физически покалеченных людей? С кого спросить за нашу с тобой, в конце концов, исковерканную судьбу?

– С государства и только с государства. Его страшная репрессивная система душила все и всех.

– Ну и какой же вывод из нашего разговора? – опять подал свой голос Виктор.

– А вывод простой, – спокойно подытожил дискуссии Исаак Маркович. – Ни от чего нельзя в жизни зарекаться. Она сама проверяет каждого человека на прочность в разных условиях. Нужно любить жизнь и ей радоваться.

Часть 1. Горькая правда жизни

Глава 1. Крутов

1.1

В июне 1922 года с получившего название в народе «профессорского парохода» из России на пристань города Марселя сошел немолодой мужчина в потрепанном костюме и весьма несвежей рубашке. Было видно, что он очень стесняется своего внешнего вида и поэтому старается как можно быстрее раствориться в людской толпе, уйти подальше от тех, с кем приплыл во Францию. Это был бывший профессор филологии Санкт-Петербургского университета Крутов Федор Иванович, которого гнала судьба с бывшей родины неизвестно куда. Потерявший несколько лет назад, в связи с эпидемией холеры в России, жену и двух сыновей, он был согласен на все, лишь бы быть подальше от своей прежней жизни. В свою очередь, советская страна тоже не возражала, чтобы ее как можно быстрее покинул вышеозначенный профессор.

К своему огромному сожалению, Федор Иванович, уехав от тотального дефицита и послереволюционного хамства, от погромных речей и непредсказуемых поступков, столкнулся практически сразу с теми же самыми явлениями на корабле. Он ничего не мог с собой поделать: его ужасно раздражало общение со своими бывшими соотечественниками, их амбиции и гонор, их заискивание перед иностранцами и желание смешать с грязью все русское. На его глазах, буквально в течение нескольких дней, произошла активная сепарация эмигрантской массы: люди, как правило, ничего не имеющие за душой, нахрапистые и наглые, начали задавать на корабле тон. А образованные, интеллигентные, достигшие чего-то серьезного в жизни, старались отойти в сторону, затеряться в толпе и не привлекать к себе внимание. Процесс захватывания бунтарями и демагогами руководящей роли в корабельном сообществе выражался не только в узурпации распределения материальных благ (матрасов, пакетов с едой, мест на палубе и т. д.), но и в активном представительстве от имени этого сообщества в переговорах с разного уровня властями. Жалкое зрелище зарождавшегося на глазах Крутова нового эмигрантского движения, с непонятными для него лозунгами и мелкими интригами, палубными вождями и выяснениями отношений друг с другом, вызывало у него неконтролируемый внутренний протест. Он понимал, что теперь ему придется среди этих людей жить и следует начать привыкать к новой действительности жуткого коктейля хамства и глупости. Но он пока к этому был никак не готов, чувствуя какую-то внутреннюю опустошенность и страх.

И еще вдруг осознал, что он теперь не профессор. Ему нужно забыть о своих регалиях и званиях, о своем особом положении в обществе. Он не должен отличаться от окружающих его людей. Любое упоминание в разговорах о его прежней жизни, заслугах, привычках, а тем более о льготах, будет вызывать у них яростное желание стянуть его с пьедестала. Лишний раз пнуть и показать, что он теперь такой же, как все. А может быть и хуже, со своими жалкими претензиями. Стремление окружающих его унижить и оскорбить будет моральной компенсацией им за то, что они в прежней жизни не имели. Он пока не понимал, что желание подравнять его со всеми в эмигрантской тусовке, запугать и морально парализовать, имеет своей целью сделать профессора послушным и управляемым, согласным идти туда, куда ему укажут. Федор Иванович оказался на обочине дороги, по которой уверенно двигался всю свою прежнюю жизнь. И дело было даже не в самолюбии, о котором на данном этапе Федор Иванович Крутов должен был забыть. Нет. Он просто не знал, как подступиться к решению самых простых житейских проблем, которые сонмом надвигались на него. Это приводило его в состояние

жуткого внутреннего страха. Порождало желание куда-нибудь заползти, спрятаться от реальной жизни и ничем не заниматься, положившись на счастливый случай.

В каком-то сомнамбулическом состоянии Крутов все дальше отдалялся от порта, от жутко галдящей, непривычно активной массы его бывших соотечественников. Только сейчас Федор Иванович почувствовал, как он устал. Причем не только физически, но и морально. Ему вдруг захотелось, от всего, что навалилось на него в последнее время, передохнуть. Просто на что-нибудь присесть, а еще лучше прилечь. Хоть на некоторое время закрыть глаза и забыться. Вдалеке он увидел ухоженный парк и одинокую каменную скамейку. Скамейка стояла буквально в центре цветочной клумбы, но к ней вела узенькая, уложенная гравием дорожка. Все было чисто, аккуратно и совершенно беззащитно от какой-либо агрессии. Никто не рвал цветы, не топтал газоны, не ломал садовый инвентарь. Он даже подумал сначала, что на этой скамейке сидеть нельзя, но, подойдя поближе, не увидел никаких запрещающих знаков.

Федор Иванович достал из кармана свой единственный платок и, расстелив его, присел на край покрашенной в необычный оранжевый цвет скамейки. Рядом на скамейку он поставил свой баул, чтобы на него облокотиться и может быть, подложив под голову, полежать. Но расслабиться ему не дал непонятно откуда появившийся незнакомый, с очень простой внешностью человек.

– Извините, барин, но сидеть, а тем паче лежать Вам на камне никак нельзя. Может случиться какая-нибудь внутренняя болезнь. Лучше сядьте на свой саквояж, если не боитесь там что-нибудь раздавить.

– А Вы, любезный, кто такой? И откуда у Вас, позвольте узнать, познания – на чем можно сидеть, а на чем нет?

– Особых познаний у меня нет. Это правда. Но вот только мой кум от сиденья на холодных бревнах у реки сначала шибко заболел, а потом вообще взял и помер.

И дальше без пауз, глядя на Крутова своими бесцветными, не много слезящимися глазами, человек продолжил:

– Мы с Вами на одном пароходе сюда приплыли. Я, вообще, дав но за Вами наблюдаю и хочу заметить, что Вы, уважаемый, весьма странного поведения: спите там, где никто не спит, кушаете то, что остается после других. Не толкаетесь, не работаете локтями, чтобы проложить себе дорогу. Вы беззащитны, как ребенок, и совсем, извините, не приспособлены к этой жизни. Вот я и подумал – нужно человеку помочь. Пошел за Вами, когда Вы сошли на берег и побрели один, неизвестно куда. А сейчас решился к Вам подойти. Да, простите великодушно, не представился – Дмитрий Пантелеевич Лаптев, стряпчий. На этом пароходе я должен был сопровождать старшего юридического советника Говорова, но они в последний момент не смогли поехать по причине внезапной смерти.

– Профессор Крутов Федор Иванович. Спасибо, что обратили на меня внимание. Я, в самом деле, несколько растерялся в новых для себя жизненных обстоятельствах. Ранее мне, слава Богу, не приходилось сталкиваться с подобными проблемами. Так что от Вашей помощи не откажусь

– Ну и хорошо. А мы сейчас по поводу нашего знакомства немножко перекусим. Разнослов предложить не могу, но и голодны ми, уверяю Вас, не останетесь.

Димитрий как-то споро расстелил на лавке чистую салфетку, достал из своего чемоданчика хлеб, крутые яйца, соленые огурчики и даже две салфетки. Потом еще раз нырнул в свой чемоданчик и вытащил оттуда простую алюминиевую фляжку.

– А?.. – многозначительно спросил он.

– Нет, нет, не надо, – торопливо произнес Федор Иванович, боясь, что тот его не слушает. Но Димитрий, сам несколько устыдившись сделанного предложения, быстро спрятал фляжку.

Кушали они молча, а по окончании трапезы Дмитрий также ловко все убрал с импровизированного стола.

– А у Вас, Федор Иванович, извините за вопрос, что из багажа имеется?

– Да вот все со мной. Один саквояж.

– Ну и хорошо, а то бы нам пришлось ждать разгрузку парохода. А еще позвольте полюбопытствовать, – куда путь держите? Мне, может быть, с Вами по пути, если не побрезгуете моей компанией?

– Отчего же. Не откажусь. Все вдвоем веселее. А направляюсь я в город Лион. Там, на факультете филологии местного университета, работает мой коллега, профессор Буржэ, с которым я хорошо знаком. О своем приезде я его, к сожалению, не уведомил, но, думаю, он это поймет правильно. Войдет в мое бедственное положение и окажет нужное содействие.

Еще некоторое время посидев и поговорив на какие-то незначительные темы, Федор Иванович и Дмитрий отправились искать железнодорожный вокзал Марселя. Ехали они до Лиона на поезде в отдельном душном купе, с не открывающимся окном. Купе было очень неудобным – в нем были две полки и маленький столик. На полках, близко расположенных по высоте, сидеть было нельзя – только лежать, что создавало пассажирам большое неудобство. Федор Иванович, лежа на нижней полке, всю дорогу читал Флобера на французском языке, а Дмитрий спал. Однако на остановках они оба выходили из вагона: Федор Иванович со скучающим видом прогуливался по платформе, а Дмитрий куда-то исчезал. Через некоторое время он появлялся, неся или кипяток, или пирожки. И громко рассказывал Федору Ивановичу о своих новых впечатлениях.

По прибытии в Лион профессор Крутов решил сразу разыскать профессора Буржэ и обговорить с ним возможность получения работы в университете. Однако на это Дмитрий резонно посоветовал ему сначала решить вопрос с жильем, а затем уже наносить визиты коллегам.

– Федор Иванович, простите меня великодушно, но не кажется ли Вам, что нам первым делом целесообразно решить квартирный вопрос. Думаю, с учетом наших материальных возможностей, желательно поселиться вместе, в одной квартире. А так как Вы, насколько мне понятно, собираетесь работать в университете, то и квартиру нам следует искать в районе университета.

– Вы правы, милейший, но я совсем не представляю, как эту идею реализовать.

– Реализовывать эту идею, с Вашего позволения, буду я. А Вы пока посидите в парке на скамеечку и читаете газету.

Самое интересное, что они друг друга называли на «Вы»: Федор Иванович никогда ни к кому на «ты» не обращался. А Дмитрий этим обращением демонстрировал свое особое уважение к профессору, хотя был, как минимум, лет на десять его старше.

1.2

Дмитрий отсутствовал несколько часов. За это время он успел обежать практически все дома, прилегающие к университетскому городку. Его минимальное знание французского языка позволяло задать вопрос о съемной квартире и получить ответ. Все дома были похожи между собой и внутри представляли собой несколько маленьких комнат, с одним туалетом и общей умывальной комнатой на этаже. Такая система съемного жилья соответствовала запросам молодых людей, посещающих университет и не отличающихся особым набором требований. Однако даже днем, когда многие из них находились на занятиях, в доме было очень шумно и неприятно пахло от приготовления дешевой пищи. Дмитрий понимал, что с учетом того морального состояния, в котором находится Федор Иванович, снятие в таком общежитии комнаты может привести профессора к тяжелой психологической травме. Практический ум и жизненная смекалка Дмитрия подсказывали ему, что он ищет квартиру не в том рай-

оне. Нужно искать жилье подороже и не привязываться к университетскому кампусу. Он даже не мог пересказать профессору свои впечатления от того жилья, которое видел, и поэтому, вернувшись на то место, где оставил профессора, предложил на сегодня переночевать на лионском вокзале. Самое интересное, что Федор Иванович не задавал лишних вопросов и, целиком полагаясь на Дмитрия, согласился без разговоров продолжить поиски квартиры на следующий день. По дороге на вокзал они нашли недорогое кафе, в котором первый раз во Франции покушали. Все в этом кафе было чисто, вкусно, аккуратно и ничем не напоминало голодную, грубую и нищую Россию. Федор Иванович повеселел, даже как-то взбодрился и стал успокаивать Дмитрия по поводу его сегодняшних безрезультатных хлопот.

Свободную скамейку на вокзале они нашли без особого труда, но спали на ней попеременно. Сказывалась многолетняя российская привычка быть все время начеку, чтобы тебя не обворовали. Да и представить Федору Ивановичу, что он может соприкоснуться с каким-либо посторонним мужчиной, было немыслимо. У него еще стояла перед глазами сцена, которую он видел на пароходе, когда двое молодых людей на глазах у всех, не стесняясь, обнимали и целовали друг друга. У одного из них на шее висели бусы и были ярко накрашены красной помадой губы. Он, по всей видимости, исполнял роль женщины. Другой изображал из себя страстно влюбленного мужчину. Деликатный Дмитрий, чувствуя внутреннее состояние Федора Ивановича, поставил между ними свой чемоданчик, обозначив тем самым границу их взаимных контактов. Лишними разговорами он профессора не докучал и дал ему возможность не сколько часов поспать, периодически тоже проваливаясь в какое-то полузабытье. За всю ночь никто ни с какими вопросами или просьбами к ним не подошел.

Как только на улице забрезжил рассвет, оба были на ногах. Посетив туалетную комнату, в которой были бумажное полотенце и туалетное мыло, они были готовы к новому дню. Сегодня им нужно было обязательно определиться с жильем, но теперь Дмитрий понимал, какая задача перед ними стоит. Обойдя несколько кварталов за пределами университетского городка, они наткнулись на двухэтажную виллу, перед которой располагался уютный садик. Федор Иванович нажал на звонок, и дверь открыла средних лет женщина.

– Мадам, двое приличных мужчин ищут комнаты на съем. Не можете ли Вы что-нибудь порекомендовать?

– Прошу Вас, месье, заходите.

Войдя вовнутрь дома, он увидел шикарную обстановку и богатую лестницу на второй этаж. О таком жилье, при их деньгах, и речи не могло быть. Как будто прочитав его мысли, женщина с улыбкой сказала:

– Сейчас я возьму ключи, чтобы показать Вам сдаваемую часть квартиры.

Женщина в сопровождении Дмитрия и Федора Ивановича обошла дом и подошла к крыльцу с противоположной стороны дома. Крыльцо было невысокое, ступенек десять – двенадцать, и вело оно в помещение, предназначенное, по всей видимости, для проживания постоянной прислуги или взрослых детей. Помещение состояло из двух маленьких комнат и кухни. В одной из комнат на полу лежал довольно толстый матрац. Вторая комната оказалась совершенно пустой. На кухне была печка с духовкой. Рядом располагался умывальник, под которым на табурете стоял, тронутый ржавчиной в нескольких местах, небольшой таз. К сожалению, на следующий день пришли двое молодых людей, снимавшие эту квартиру до них, и забрали принадлежащий им матрац.

После того, как они расплатились с хозяйкой за год вперед, они ее несколько месяцев не видели. Ни по каким бытовым вопросам ни хозяйка, ни ее муж помощь им не оказали, так что оставалось надеяться только на себя. И здесь с самой лучшей стороны снова проявил себя Дмитрий. Он где-то раздобыл и привез две старые солдатские кровати и матрацы. Правда,

кровати были без сеток, но он вместо них положил доски. Федор Иванович это первое приобретение во Франции запомнил на всю жизнь. После кроватей Димитрий на каких-то складах нашел стулья и журнальный столик. Все вещи были, естественно, в нерабочем состоянии, но благодаря его золотым рукам они просто преобразились. Через некоторое время их квартира вообще приобрела жилой вид, с ковриками на полу и картинами на стенах. Но Федора Ивановича все эти мелочи мало занимали. Его интересовала только его будущая работа. О ней он думал с утра и до вечера. Вопрос с получением им места в университете и возможных научных перспектив не решался из-за того, что профессор Буржэ уехал то ли отдыхать, то ли в творческую командировку. К сожалению, никто не мог сообщить, когда он вернется. Федор Иванович регулярно навещал кафедру, но все было безрезультатно. Наконец, ему сообщили, что профессор Буржэ должен на следующий день появиться на кафедре и готов принять Федора Ивановича в одиннадцать часов утра.

На следующий день профессор Крутов проснулся рано. Накануне он постирал и выгладил свою единственную белую рубашку. Привел в порядок выдавший виды черный костюм. В какой-то небольшой лавочке он даже приобрел бабочку, которая неплохо гармонировала с его костюмом. Федор Иванович самым тщательным образом готовился к встрече с профессором Буржэ. Почему-то он волновался перед ней, как, пожалуй, никогда в своей жизни. Профессор Крутов хорошо помнил, как выглядел профессор Буржэ, когда в 1916 году он посетил Санкт-Петербург. Сколько они вместе гуляли по городу и какие темы часами обсуждали. Тогда вечером Федор Иванович пригласил французского профессора в интеллектуальное кафе. Они оба были филологами, но если Буржэ был специалистом в области европейской литературы, то Крутов занимался Ближним Востоком и тюркскими языками. Они с удовольствием рассказывали друг другу о своих научных интересах, ища и находя точки соприкосновения в этих богатых языковых культурах. А потом Федор Иванович долго провожал профессора Буржэ до гостиницы и они вместе любовались красотой белых ночей северной столицы. Вспоминая все это, Крутов рисовал в своем воображении, как они, встретившись после шестилетнего перерыва, продолжают свои удивительные беседы. Как, обрадовавшись встрече с ним, профессор Буржэ познакомит его со своими коллегами, введет в круг интересных людей Франции.

В назначенное время Крутов стоял у двери с табличкой «Профессор Буржэ». Он робко постучал в дверь и на приглашение войти аккуратно ее толкнул. За столом сидел знакомый ему профессор с настороженным выражением на лице. Он даже не встал из-за стола, увидев гостя, и не протянул руки. Не говоря уже о каких-либо других положительных эмоциях, которые принято демонстрировать в подобных ситуациях. На Крутова пахнуло холодом и какой-то нарочитой отстраненностью. Это был прием человека, которого, по каким-то непонятным причинам, не хотели просто видеть. Буржэ жестом показал на стул, стоящий поодаль от стола, у самой стены. После этого ледяным тоном спросил:

– Что Вас ко мне привело, месье?

И тут Крутов не выдержал. Всегда спокойный и выдержанный, уже как будто привыкший к незаслуженным унижениям в новой жизни, он жестко парировал Буржэ:

– Я не месье, как Вам хорошо известно. Я профессор Крутов. И извольте ко мне обращаться, милостивый государь, в соответствии с моим высоким научным званием.

– Это Вы там были профессор, а здесь Вы просто месье. Так что Вас ко мне привело, уважаемый?

– Сейчас уже ничего. Хотя нет. Буквально сегодня утром я хотел увидеть во Франции одного приличного человека, а увидел свинью в профессорской мантии.

– Спасибо за комплимент. А позвольте полюбопытствовать, что Вы хотели здесь увидеть? На какой прием Вы рассчитывали? Или вы думаете, что мы не знаем, как Вы обслуживали там, в красной России, новую власть? Какие статьи писали о новой пролетарской культуре?

– Во-первых, если бы я, как Вы изволили выразиться, обслужил вал новую власть, мне не нужно было бы подаваться от нее в бега и стоять здесь перед Вами, как бедный родственник. А во-вторых, Вам, как образованному человеку, полагается знать, что пролетарской, равно как и дворянской, культуры не бывает. Или она есть, или ее нет. А жалкую гражданскую позицию, которую Вы сейчас демонстрируете передо мной в угоду официальной власти, а точнее, университетскому руководству, оставьте при себе. И любовно созерцайте ее, холя и поглаживая, как созревшую грыжу. Честь имею.

1.3

Выйдя на улицу, профессор Крутов после разговора с профессором Буржэ прекрасно сознавал, что на профессиональной деятельности во Франции он может поставить крест. Зная законы, по которым живет научный мир, он не сомневался в том, что информацию о нем Буржэ доведет до всех своих французских коллег. А так как кафедр филологии в университетах Франции не так уж много и все профессора друг друга хорошо знают, то получение места работы во французских университетах становилось для него весьма проблематичным делом. Ситуация осложнялась еще и тем обстоятельством, что даже для выполнения любой другой научной работы, как то рецензирование трудов, написание статей, отзывов на диссертации, заключений и т. д., требуется рекомендация местной профессуры, на которую он, после сегодняшнего инцидента, рас считывать, по всей видимости, уже не может.

Настроение у профессора Крутова было прескверное. Ему хотелось с кем-нибудь поговорить на тему провального визита к Буржэ. Посоветоваться, что делать дальше. Только бы не оставаться одному, надумывая всякие неприятности в будущем. Федор Иванович, внутренне опустошенный, направился домой в надежде пообщаться хоть с Димитрием. Но того не оказалось дома. В последнее время Димитрий таинственным образом во второй половине дня куда-то исчезал. Чтобы не сидеть одному в квартире, Федор Иванович вышел на улицу. Он прислонился спиной к какому-то столбу и стоял, обтекаемый спешащей по своим делам людской толпой. На него никто не обращал внимание. Каждый был озабочен своими проблемами. А он стоял, невольно аккумулируя людские голоса, сигналы машин, звуки музыки, доносящиеся из открытого окна дома напротив. Он вроде принимал участие в том, что происходит вокруг, и одновременно был от всего этого очень далек.

Немного успокоившись, Федор Иванович побрел домой в надежде, что вернулся Димитрий. Но дверь по-прежнему была заперта. Он вошел в квартиру и, не снимая верхней одежды, лег на кровать. Потом открыл первую попавшуюся книгу и попытался ее читать, но смысл прочитанного до него не доходил. За этим занятием Федор Иванович Крутов заснул. Разбудили его какие-то голоса: один принадлежал Димитрию, а второй он слышал впервые. Выглянув в соседнюю комнату, Крутов увидел Димитрия в компании какого-то незнакомого человека, который нервно курил, все время стряхивая пепел. Так как пепельницы у них в доме не было, то он без стеснения делал это прямо на пол. Увидев Крутова, незнакомец вытянулся и отпартовал.

– Разрешите представиться. Штабс-капитан Новиков.

– Профессор Крутов. Что же Вы, батенька, пепел на пол стряхиваете? Возьмите хоть блюдце для этого.

– Прошу меня простить, – засуетился гость. – Не думал, что Вы дома. Еще раз извините. Не буду мешать. Я, пожалуй, пойду.

И штабс-капитан поспешил к выходу. Димитрий, чувствуя себя виноватым за поведение незваного гостя, замямлил:

– Извините, Федор Иванович, что мы Вас побеспокоили. Позвольте Вам объяснить появление нового знакомого. Дело в том, что я недавно попал в компанию людей, которые живо интересуются политической ситуацией в стране.

– Позвольте узнать, о какой стране идет речь?

– О Франции, Федор Иванович. О Франции.

– Очень любопытно. И в чем же состоит интерес к этой теме господ, подобных штабс-капитану Новикову? Если не секрет.

– Я еще не очень разобрался, но, судя по их высказываниям, во Франции имеет место много проблем. Для их разрешения требуется незамедлительно принять соответствующие меры.

– Ну, это известная классическая ситуация, связанная с отношениями между эмигрантским сообществом и принимающей страной. Она хорошо освещена в литературе и касается, как правило, критики государственного устройства, образования, здравоохранения, социальной сферы и т. д. Ничего здесь нового, а тем более оригинального, сударь, нет. По всей видимости, на горизонте замаячили какие-то выборы, и Вы поприсутствовали на одном из предвыборных мероприятий.

– Вы правы, Федор Иванович.

Но Крутов, не обращая внимания на реплику Дмитрия, продолжал.

– Во Франции эмигрантская тусовка исторически концентрируется вокруг двух центров кристаллизации – монархического и военного. Сегодня Вы попали, судя по нашему гостю, в сферу влияния второго. Но Вы не расстраивайтесь – в следующий раз Ваша компания может быть совершенно другой.

– Да, но, послушав выступающих на этом собрании, у меня возникло впечатление, что французское общество насквозь прогнило и вот-вот начнет разваливаться с непредсказуемыми последствиями.

– Смею высказать предположение, что это далеко не так. Просто одна группа людей хочет сменить другую, чтобы присесть поближе к государственному пирогу. При этом процесс закармливания противника на этом светлом пути так выстроен, что вызывает у народа, то бишь у Вас, подобные патриотические настроения. Кампания по выявлению всеобщей скверны в обществе, которую затеяли сверху, похожа на вонючую дезинфекцию. Она хорошо проплачивается и проводится на высоком эмоциональном уровне, независимо от ситуации в стране и ее влияния на все происходящее. Вот и вся причина, по которой эмигрантская масса в настоящее время пришла в движение.

– Ваше спокойствие, Федор Иванович, поразительно. Я же, напротив, находясь на этом собрании, подумал, что мы с Вами, приехав во Францию, попали из огня да в полымя.

– И поэтому срочно требуется полная мобилизация эмигрантского сообщества, чтобы эту ситуацию исправить, – продолжил мысль Дмитрия Федор Иванович.

– А скажите, Федор Иванович, Вас нестораживает обстоятельство, что достаточно большая русская эмиграция не имеет своих представителей во власти?

– Нет, нестораживает. Мало того, что Франция Вас приютила и обеспечила более-менее нормальные условия жизни, так Вы еще требуете от нее поделиться властью. Это при Вашем-то знании, батенька, французского языка! Просто смешно. Смею Вас заверить, что наши с Вами усилия господам французам на ближайшее время не понадобятся.

1.4

На этом сумбурный разговор между Дмитрием и Федором Ивановичем Крутовым закончился. Федор Иванович понял, что рассказывать Дмитрию о своей встрече с профессором Буржэ не только бессмысленно, но и бесполезно. Его эти проблемы совершенно не инте-

ресуют. А когда через несколько дней в их квартире снова собрались какие-то люди и возникла небольшая дискуссия, Федор Иванович, чтобы отвлечься от своих горестных мыслей, решил принять в ней участие. Сначала Федор Иванович молчал, стараясь понять, о чем идет речь, но потом, разобравшись в ситуации, четко сформулировал свою позицию по обсуждаемым вопросам. Она, к удивлению многих, во многом не совпадала с точкой зрения присутствующих.

Информация о том, что в доме профессора Крутова ведутся интересные разговоры на различные общественно-политические темы, быстро распространилась по Лиону. Для того чтобы послушать эти разговоры, на квартире Федора Ивановича стали появляться совершенно незнакомые люди. Они тихо заходили в первую комнату и рассаживались прямо на полу. Внимательно слушали всех выступающих и также тихо уходили. Это были люди, которых можно всегда встретить на любых собраниях, диспутах, общественных мероприятиях, в курилках публичных библиотек, при обсуждении различных тем. Возникает впечатление, что если бы не было этих людей, то назначенное мероприятие просто бы не состоялось. Они создают совершенно неповторимый псевдоинтеллектуальный фон, без которого привлекательность любого разговора бесследно исчезает.

Арендуемая профессором Крутовым и Дмитрием квартира уже не вмещала всех желающих поучаствовать в дискуссиях. Им уже здесь было тесно. Поэтому все участники дискуссий дружно переместились в городской дискуссионный клуб, находившийся в центре города Лиона. Дмитрий стал уговаривать Федора Ивановича пойти с ними на одно из собраний и там выступить.

– Федор Иванович, я хочу Вас пригласить в наш клуб, чтобы Вы послушали, о чем там говорят лидеры эмигрантского движения.

– Дмитрий, ну зачем это мне надо? Я лучше посижу дома. Почитаю интересную книгу, напишу статью.

– Ну, я Вас очень прошу, Федор Иванович. Сделайте одолжение.

Федор Иванович, как мог, отказывался от предложения Дмитрия, но тот все настойчивее его приглашал. Подспудно Дмитрий не только хотел познакомить профессора Крутова с отдельными персонажами эмигрантской тусовки, но и лелеял надежду о том, что Федор Иванович займет там соответствующее положение. И, естественно, после этого паровозом потянет его за собой. О своем плане Дмитрий профессору Крутову не говорил, боясь, что тот наотрез откажется куда-либо с ним идти. Тем не менее обстановка полного отсутствия контактов с людьми становилась для Федора Ивановича совершенно невыносимой и он, в конце концов, согласился пойти на какое-то неизвестное ему мероприятие.

Место ежедневного сбора эмигрантов, именуемого дискуссионным клубом, располагалось в трехкомнатной квартире на первом этаже старинной постройки. Квартира принадлежала какой-то местной партии, которая жестом ее сдачи почти бесплатно эмигрантскому сообществу демонстрировала свое благожелательное отношение ко вновь прибывшим в страну. За квартирой приглядывала немолодая молчаливая женщина. В восемь часов утра она открывала входную дверь и впускала посетителей. После этого ставила на стол для всех желающих титан с кофе и блюдо булочек. К открытию клуба на его крыльце собиралась достаточно большая группа людей, желающих получить бесплатно стаканчик крепкого кофе с теплой булочкой. Булочек регулярно на всех не хватало из-за того, что многие эмигранты брали эти дары с собой. И тогда возникали между посетителями скандалы, переходящие в легкие по тасовки. Пик активности любителей дармовой еды наступал в обед, отличающийся от завтрака коробочкой, в которой находилась порция рыбы или мяса с гарниром. Раздавал эти коробочки всегда улыбающийся темнокожий француз, который успевал каждому получателю обеда делать отметку на ладони правой руки, чтобы, как он выражался, не нагтели. В десять часов вечера эта женщина закрывала помещение. Выпроводив всех гостей, она убирала квартиру, не переста-

вая бурчать по поводу свинского характера русских посетителей. В небольшой комнате, рядом с туалетом, уборщица жила. Там же она держала ведра, тряпки, швабры, туалетную бумагу.

1.5

Дискуссионный клуб занимал две большие смежные комнаты. В них стояло много столов и стульев, которые, в зависимости от характера мероприятия, переносились из одной комнаты в другую. Летом в этих комнатах было жарко, а зимой холодно. Окна в них практически никогда не открывались, так как выходили на проезжую часть улицы. По этой улице ходили большие автобусы, со страшным шумом изрыгающие из своих недр отработанный бензин. Помещение клуба в течение дня никогда не пустовало. В нем проводились всякие мероприятия – от кружка по изучению французского языка до групп хорового пения. Однако в шесть часов вечера кружки заканчивали свою работу, и в клубе начинали кипеть до самого закрытия нешуточные политические страсти.

Тон в клубе задавал лощеный, упитанный, несмотря на эмигрантские харчи, господин в военном френче без знаков различия. Звали его Вольдемар Бенедиктович. Для близкого окружения он разрешал называть себя Водя. Водя, до своей эмиграции из России, работал в передвижном цирке кукольником, разыгрывая на потеху провинциальной публике различные смешные сценки. Такая работа не только его физически закалила, приучив стойчески переносить любые бытовые неудобства, но и позволила пройти хорошую психологическую школу. Он быстро улавливал настроение публики. Это помогало ему неоднократно успешно выходить из трудной ситуации. Никто из гостей не знал, где Водя живет, что у него за семья, откуда берет деньги на жизнь. Водя всегда был в хорошем настроении. От него исходил смешанный запах дешевого коньяка и хорошего одеколона. Курил Водя все без разбора, стреляя сигаретку у любого, кто ему подвернется под руку. Разговаривал со всеми громко и грубо, никогда не дослушивая никого до конца.

Руководство клуба во главе с Водей сидело за большим столом в конце второй комнаты на некотором возвышении. Это отделяло Водю сотоварищи от остального зала и позволяло им несколько свысока оглядывать толпу. Вопросы для дискуссии в клубе формулировала сама толпа. Она же сама на них, в лице наиболее крикливых участников мероприятия, отвечала. Водю всегда сопровождали две весьма оригинальные особы: женщина неопределенного возраста с аккордеоном на плече и средних лет мужчина, представлявшийся всем его пресс-секретарем. Оба персонажа как бы прикрывали тыл Води, включаясь в работу по его команде. Команда поступала в случае, если Водя не мог ответить на какой-нибудь вопрос или хотел прервать нежелательную для него дискуссию. Тогда он поворачивался к женщине с аккордеоном и, не называя ее по имени, томным голосом произносил:

– Прошу Вас, мадам.

Та всегда была готова к действию и мгновенно откликнулась на просьбу шефа какой-нибудь шуточной мелодией. Это позволяло Водю выиграть время для обсуждения трудного вопроса или уйти от него вообще. Если этого было недостаточно и возмутитель спокойствия продолжал на чем-то настаивать, то в работу вступал пресс-секретарь. Он предлагал не в меру активному человеку отойти в сторону и изложить свои претензии, на которые обещал на следующий день дать исчерпывающий ответ. Конечно, никаких ответов никто никому не давал, так как это не входило в планы руководства клуба.

Когда Федор Иванович вошел в сопровождении Димитрия в зал, дискуссия была в самом разгаре. В помещении было жарко и шумно. Пахло какой-то рыбой. Дискуссией этот шум можно было назвать только с большой натяжкой, ибо выступающие, не слушая друг друга, ругали все и всех подряд. При этом они не столько старались высказаться по существу обсужда-

емого вопроса, сколько как можно хлеще ответить своим оппонентам. Федор Иванович, впервые присутствовавший на эмигрантской тусовке, даже сразу не понял, куда он попал. Постоянные хождения посетителей по залу и дым дешевых сигарет не давали ему возможность слушать выступающих. Этому также мешали идиотские речевки, выкрикиваемые отдельными группами людей, находящимися в разных концах зала.

Естественным желанием Федора Ивановича было немедленно покинуть помещение, где все было ему чуждо, а главное, противно. И тут, как бы почувствовав настроение Федора Ивановича, кто-то сзади деликатно дотронулся до его плеча. Оглянувшись, Крутов увидел Дмитрия. Тот, виновато улыбнувшись и потупив глаза, предвосхитил его гневное высказывание:

– Извините, Федор Иванович за то, что я Вас сюда пригласил. Я просто хотел, чтобы Вы все увидели своими глазами и дали этому соответствующую оценку.

– Что Вы, милостивый государь? О какой оценке может идти речь, глядя на эту беснующуюся массу несчастных, обезумевших от мнимой свободы, людей? Ведь здесь нет, как мне кажется, ни одного нормального человека. Во всяком случае, я этого не заметил. Считаю, что мне следует как можно быстрее покинуть это мероприятие.

– И все-таки я Вас очень прошу, Федор Иванович, остаться и помочь нам разобраться, что же здесь на самом деле происходит.

– Кому это – нам?

– Нам – это таким же эмигрантам, как я, приехавшим в чужую страну, не знающих французского языка и не имеющих востребованной профессии. Я Вас очень прошу – не уходите. Ваш совет, как в этой непростой ситуации себя вести, будет многим нашим соотечественникам весьма полезен.

И профессор Крутов остался. Он остался не только потому, что его просил об этом Дмитрий. Федор Иванович в самом деле хотел понять, что за люди приехали во Францию и что они хотят от этой страны.

1.6

Прошло две недели, как Федор Иванович побывал в эмигрантском дискуссионном клубе. Больше он туда идти не хотел. Но хитрый Дмитрий его не оставлял в покое. Теперь он каждый вечер кого-то приводил в их небольшую, практически без мебели квартиру. Посетители менялись, но темы, по которым они высказывались, оставались неизменными. Разговор, как правило, начинал кто-то из гостей, но через некоторое время эпицентром его становился Федор Иванович. Он старался как можно проще объяснять присутствующим, что за ситуация в стране и что надо делать. По их лицам он видел, что они, в основном, согласны с ним. Но однажды, когда вечер уже подходил к концу, в разговор Федора Ивановича с присутствующими вмешался какой-то угрюмый человек, просидевший весь вечер в головном уборе:

– А вот Водя говорит, что если мы поддержим на предстоящих выборах монархическую партию, то наше положение в стране сразу кардинально изменится к лучшему.

– Ваш Водя, уважаемый, отрабатывает деньги, которые ему платят. Правда, делает он это весьма оригинальным способом, изображая из себя шута горохового. А все его речи о Вашем светлом будущем никакого отношения к этому будущему, к сожалению, не имеют.

– Да, но он говорит, что это у него общественная работа, за которую он никаких денег не получает.

– Может и не получает. Не знаю, не буду утверждать. И тем не менее, я позволю высказать свою точку зрения на общественную работу. Мне представляется, что общественная работа – это работа отдельного человека себе во благо под лозунгом пользы для общества. Как правило, для того, чтобы скрыть ее истинную цель, она выполняется в свободное от основной работы

время. Рассуждения, что я занимаюсь общественной работой без какого-либо интереса для себя, вызывают у окружающих недоумение и, в конечном счете, недоверие.

– Так зачем же все-таки они этим занимаются?

– Хороший вопрос. Дело в том, что общественная работа является в определенной форме предтечей другой деятельности в той или иной сфере: производственной, финансовой, политической, но уже оплачиваемой. Есть люди, которые в силу своего характера или гипертрофированного эго занимаются общественной работой с раннего возраста, сделав ее неотъемлемой составляющей своего существования. Им хочется всегда быть в центре событий, влиять на всех и на все. Они не могут жить без того, чтобы не высказать свое мнение по поводу какого-либо события и очень обижаются, когда это мнение не учитывается.

– А скажите, профессор, у всех людей получается успешно выполнять общественную работу?

– К сожалению, не у всех. Некоторым ею заниматься просто категорически противопоказано, так как они начинают конфликтовать со своим окружением и вызывают резкую критику в свой адрес. Их разрушительная деятельность наносит вред не только людям, но и им самим.

1.7

После очередных, затянувшихся за полночь посиделок, профессор Крутов долго не мог заснуть. Его почему-то задела тема, по которой все активно сегодня высказывались: нужна ли во Франции так называемая «русская» партия или нет. Большинство присутствующих считало, что уже прошло время задавать подобные вопросы и партию нужно безотлагательно создавать. Однако были и сомневающиеся. Тон сегодняшней дискуссии задавал спокойный, выдержанный человек, которого все уважительно называли по имени отчеству – Василий Петрович. Кто он и чем занимается по внешнему виду определить было невозможно. Одет он был в какую-то жилетку со множеством всяких карманов и армейские сапоги. На голове была то ли шапочка, то ли тубетейка. Говорил Василий Петрович тихим, но достаточно убедительным голосом, к которому все прислушивались. Сначала он рассказал о принципах работы государственных структур Франции. Затем перешел к характеристике ее многопартийной системы. Федор Иванович не очень внимательно слушал выступление Василия Петровича. Но когда он привязал всю информацию о Франции к русской общине, это его насторожило.

– Русская община, – вещал Василий Петрович, – должна, без дешевого кокетства и ненужных реверансов, играть в свою игру, но по французским правилам. А отсюда вытекает безусловная необходимость на данном историческом отрезке создания «русской» партии. Мотивацией нашего приезда во Францию было желание убежать от скотской, отравленной революцией, толпы. Жить среди нормальных людей и получать от этого, прежде всего, моральное удовлетворение. А на поверку реализация данного мотива оказалась, для большинства из нас, несбыточной мечтой. Ну и что делать – опустить руки и согласиться с тем положением, в котором оказалась эмиграция, или бороться за достойную жизнь?

– Опускать руки не надо, – вступил в беседу Федор Иванович, – а вот серьезно задуматься – почему у нас столько проблем – мы обязаны сделать. И основной причиной бедственного положения многих эмигрантов, как Вы понимаете, является отсутствие языка общения с французами.

– Смею возразить. В Вас, Федор Иванович, все время говорит профессор филологии. А скажите, уважаемый: вот Вы знаете французский язык, а у Вас тоже, как известно, возникли определенные проблемы с получением места?

– Ну, это проблемы совсем другого плана. Их не следует здесь обсуждать. Сразу замечу, что русская община исключительно неоднородна: есть образованные люди, способные сразу подключиться к нормальной трудовой деятельности, а есть не готовые к жизни в новых усло-

виях. Последняя группа находит себе применение, как правило, в обслуге: охрана – уборка – уход за больными и пожилыми. Некоторые вырываются в дальнейшем из этого круга, однако большинство людей в нем остается.

Но тут встал со своего места штабс-капитан Новиков, которого одним из первых привел в их квартиру Димитрий. Он достаточно часто посещал эти собрания, но, как правило, вопросов не задавал. Сейчас он, явно волнуясь, спросил Крутова:

– Извините, профессор, мне показалось, что Вы избегаете дать комментарий по главной теме – нужна или не нужна нашей эмиграции «русская» партия? Если можно – поясните свою позицию.

– Хорошо. Я против идеи создания русской партии, так как наша задача не выстроить гетто с помощью этой партии, не противопоставить себя французскому обществу, а стать его частью, сохранив при этом свои национальные особенности. В условиях эмиграции, когда все заняты поиском своей жизненной ниши, люди сбиваются в партийные стаи, внутри которых появляются лидеры различного калибра. Партия нужна кучке людей, которая, используя временные трудности русской эмиграции, желает организовать себе безбедную жизнь. При этом инициаторы создания русской партии формируют партийный актив, в основе поведения которого лежат два основных принципа: максимальное приближение к лидерам и постоянная демонстрация им своей личной преданности.

В этом месте Крутов замолчал, подыскивая, по всей видимости, достойную формулировку для характеристики этих людей. Никто его не торопил, не стремился что-либо подсказать. Все ждали. После небольшой паузы, Федор Иванович продолжил:

– Мне представляется, что партийные функционеры – особая категория людей. В силу того, что эти господа, как правило, профессионально не состоялись, а в сферу обслуживания идти работать не хотят, они стараются реализовать себя на партийном поприще. Однако в этой области деятельности им требуется обладать целым набором специфических качеств: они должны быть ловкими и гибкими, уметь интриговать и притворяться. К глубокому сожалению, эмигрантская политическая тусовка – это прекрасный бульон, в котором бактерии неискренности и нечистоплотности, размножаясь с невероятной скоростью, поражают многие здоровые организмы.

Произнеся в сердцах последнюю фразу, Федор Иванович замолчал. Воспользовавшись возникшей паузой, тот же Новиков по торопился задать свой следующий вопрос:

– А что Вас не устраивает в том, что партийный лидер на этапе нелегкой предвыборной борьбы формирует свою команду, подбирая ее членов по принципу личной преданности? Хотя тыл у него на некоторое время будет защищен от разных «друзей», которые должны со временем обязательно появиться.

– Думаю, что Вы меня, уважаемый, не так поняли. Я не собираюсь по этому поводу в ужасе закатывать глаза и устраивать показательные разборки отдельным героям. Я против создания партии по этническому принципу, так как это, по моим представлениям, не соответствует тем задачам, которые стоят перед русской эмиграцией. И к тому же настраивает людей на иждивенческий лад, порождая вредные иллюзии, что кто-то за них будет решать возникающие проблемы.

1.8

Квартира, которую занимали профессор Крутов и Димитрий, со временем превратилась в альтернативное место сборищу Води и его компании. И хотя никакого фуршета здесь не было, а желающих курить просили выходить на улицу, в отдельные дни здесь собиралось столько людей, что некоторые просто стояли в коридоре, не имея возможности войти в комнату. Ино-

гда входную дверь открывали сами гости, благо всем было известно, где лежит ключ. И тем не менее, как правило, общего разговора не возникало, пока не приходил Федор Иванович.

Но сегодня был какой-то необычный день: помимо духоты и сильной жары, все были возбуждены отставкой мэра города Лиона. Все активно обсуждали эту новость, пользуясь какими-то малодостоверными слухами и сплетнями. Так как большинство присутствующих не владело французским языком и местных газет не читало, то основным источником информации были уличные разговоры.

В отсутствие профессора Крутова каждый старался по городской новости высказаться как можно жестче. Никто не стеснялся в выражениях. Особенно выделялся среди собравшихся высокий худой человек с длинными грязными волосами и цветном кашне, обмотанным вокруг тонкой шеи. Он не только старался всех перекричать, но и комментировал каждое выступление. Его безапелляционный тон и грубая манера высказывания выдавала в нем профессионального спорщика, постоянно посещающего различные партийные тусовки, где можно бесплатно выпить и закусить. Не дав за кончить говорить очередному выступающему, он громко завопил:

– Что Вы порите чушь. Проведенный в местной печати опрос показал весьма любопытный результат: французов в меньшей степени волнует угроза со стороны Англии по сравнению с коррупцией во всех эшелонах власти.

– Меня тоже волнует продажность власти, – возразил ему толстячок с бородкой. – Однако до коррупции, как говорится, русским нужно еще дожить. Ибо они, по большому счету, очень далеки от того места, где эта коррупционная каша варится.

– Предтечей коррупции, – не унимался длинношей, – как известно, является протекция. И в этом контексте меня умиляет сакраментальный вопрос, который задают нашим соотечественникам средства массовой информации: – Что важнее – знания или протекция?

И сам на него ответил:

– Конечно, любой нормальный человек, не задумываясь, ответит: знания. Но о каких знаниях может идти речь, обсуждая безъязыкую русскую эмиграцию – бедную, никому неизвестную, со гласную на любые условия, чтобы заработать копейку.

– А можно ли обойтись вообще без знаний, воспользовавшись только протекцией? – раздался из глубины комнаты чей-то ироничный голос.

– Можно, но это уже за отдельные и, по всей видимости, большие деньги. А если серьезно, то без протекции здесь, к сожалению, на первых порах ничего не достигнешь.

– А позвольте Вас спросить, – вмешался в спор длинношеего и толстяка с бородкой профессор Крутов, – где, в какой стране, это делается иначе? Каждый работодатель хочет получить хорошего работника, которого кто-то порекомендует, а не кога в мешке с кучей неприятностей. И пора уже перестать разглагольствовать о терпимости и демократии, путая их с безответственностью и безнаказанностью.

– Вот Вы хоть и профессор, Федор Иванович, а глупый человек, – не унимался длинношей. – Я не знаю, сможет или нет существовать долгое время французское общество, не замечая происходящего с нашей эмиграцией. Но если проблема трудовой занятости не будет решена государством, она приведет к дальнейшей эскалации на русской улице скепсиса и гнева, которые в дальнейшем перерастут в презрение и бунт.

От последней тирады Федор Иванович обомлел. Он понимал, что, вступая в дискуссию с публикой, посещающей подобные мероприятия, он когда-нибудь обязательно нарвется на откровенную грубость. Но к тому, что произошло сейчас, он был просто не готов. На некоторое время он даже растерялся, у него перехватило дыхание, но в следующее мгновение он, выговаривая отдельно каждое слово, произнес

– Милостивый государь, я попрошу Вас немедленно оставить данное помещение и больше здесь никогда не появляться.

Длинношей, не вступая в какие-либо пререкания с профессором Крутовым, пошел к выходу. За ним потянулись и остальные гости. С этого вечера в их квартиру никто не приходил и никаких обсуждений не проводилось. Все участники дискуссий, вместе с Дмитрием, куда-то переместились. Федор Иванович интереса к этому сборищу больше не проявлял. Дмитрий тоже делал вид, что ничего не произошло, продолжая исправно выполнять по дому взятые на себя обязанности. Жизнь вернулась в прежнее русло: Федор Иванович много читал и писал, продолжая рассылать свое резюме по различным адресам в надежде найти работу. А Дмитрий, убрав в квартире и что-то сготовив, исчезал в неизвестном направлении до глубокой ночи.

Разогнав всех непрошенных гостей, Федор Иванович почувствовал по этому поводу огромное облегчение. Не говоря уже о том, что его квартира перестала быть проходным двором, теперь он, никого не стесняясь, мог облачиться в свой любимый халат и трудиться. Федор Иванович обладал совершенно необыкновенным творческим механизмом, который наиболее эффективно работал в состоянии его непрерывной ходьбы по их небольшой квартире. В этом процессе ему удавалось продумать до самых мельчайших деталей содержание очередной статьи. И когда она была полностью скомпонована в его голове, он подходил к столу и одним махом, практически без исправлений, переносил ее на бумагу.

1.9

Последние две недели Федор Иванович пребывал в состоянии особого душевного комфорта, работая по двенадцать часов в сутки и не ощущая никакой усталости. При этом, чем больше он трудился, тем лучше было его настроение, тем интересней казалась ему жизнь. С утра и до середины дня он занимался переводами, которые делал для одного из городских французских журналов, а остальное время посвящал своей любимой науке. Дмитрий ночевал в их общей квартире не каждый день. Он полностью погрузился в эмигрантскую тусовку, упиваясь общением со своими новыми друзьями. Федор Иванович, познакомившись со знакомыми Дмитрием, окончательно утвердился в своем выводе, что при всем своем разнообразии, эмигрантские судьбы очень похожи друг на друга. Большая часть приехавших была целый день занята тяжелой работой, получая за это небольшие деньги. Остальные проводили время в праздных разговорах о лучшей жизни, сбиваясь в странные по форме и непонятные по содержанию группы людей. Они были или русскими фракциями существующих французских партий, или совершенно беспомощными самостоятельными образованиями с невнятной политической лозунгами. И если в русские фракции изредка вбрасывались какие-то деньги, то самостоятельные образования, не имея финансовых источников, влачили жалкое существование.

Время шло. Федор Иванович думал, что навсегда забыл дорогу в дискуссионный эмигрантский клуб. И тем не менее однажды вечером он опять оказался в этом месте. Ему необходимо было предупредить Дмитрием, который уже несколько дней не появлялся дома, о предстоящем небольшом ремонте их дома. В связи с этим хозяйка просила своих жильцов на это время найти себе пристанище в другом месте. Федор Иванович решил позволить себе кратковременный отпуск и съездить в Марсель. Но о своих планах он должен был сообщить Дмитрию. С этой целью Федор Иванович и отправился в знакомый зал. Со времени его последнего посещения там ничего не изменилось: все тот же Водя восседал на подиуме в окружении своих холуев. Так же вызывающе колыхался зал в каком-то только ему понятном жизненном ритме. Тот же тяжелый гул, смешанный с табачным дымом, висел в воздухе. Единственным новым элементом в обычной картине эмигрантской тусовки, что сразу заметил Федор Иванович, было наличие рядом со сценой охраны в лице двух «качков» с невыразительной внешностью.

Федор Иванович стал искать глазами Дмитрия, но его нигде не было. Он встал за колонной, чтобы его никто не заметил из людей, которые его знали по предыдущим встречам. Федор Иванович нечаянно поймал себя на мысли, что смешно ему – взрослому человеку – от кого-то прятаться. Но это был как раз тот случай. И когда он уже хотел покинуть зал, то заметил за соседней колонной молодую девушку, поведение которой было очень похожим на его. Разница состояла только в том, что она ни от кого не пряталась, а просто стояла так, чтобы ее никто не видел. С этого момента Федор Иванович перестал вглядываться в зал и переключил все свое внимание на девушку. Она стояла с совершенно безучастным видом, прикрыв глаза. Казалось, что ее здесь никто не интересуется и она занята только своими мыслями. Понаблюдав за девушкой минут десять, Федор Иванович решил к ней подойти.

– Прошу прощения, мадемуазель, – обратился он к девушке на французском языке, – но мне показалось, что Вы как-то сиротливо одиноки в этом зале. Могу ли я Вам быть чем-либо полезен? Да, извините, забыл представиться. Профессор филологии Крутов Федор Иванович.

– Уважаемый профессор, Вы могли бы все это сказать по русски, – ответила девушка, очаровательно грассируя.

– Если бы я знал об этом, я бы так сразу и сделал. А позвольте узнать, что Вы тут делаете, таинственно прячась за колонну? Если это, конечно, не большой секрет.

– Нет, здесь нет никакого секрета. Просто я пришла сюда, чтобы послушать настоящий русский язык.

– Не понял Вашего объяснения. Поясните, пожалуйста, если это Вас не затруднит.

– Нисколько. – Не договорив предложение, девушка очень мелодично засмеялась.

– Дело в том, – продолжила она, – что у нас папа – русский, а мама – француженка. В семье трое детей, я – старшая. И все говорят на жуткой смеси русского и французского языков. Я знаю, что в этом зале собираются люди, родной язык которых русский. По этому, чтобы улучшить свой русский язык, я и пришла сюда. Меня зовут Шарлотта.

Федор Иванович смотрел на эту непосредственность, которая зашкаливала, и старался отгадать, сколько этой девушке лет. На вид ей нельзя было дать больше шестнадцати, хотя своими рассуждениями она производила более взрослое впечатление.

– Извините, пожалуйста. Я понял, что целью Вашего визита в клуб является желание послушать нормальный русский язык. Считайте, что Вы в моем лице такую возможность обрели. Я с удовольствием буду говорить с Вами только по-русски. Давайте, если Вы не возражаете, пойдем на свежий воздух и продолжим там нашу увлекательную беседу.

Они вышли из душного зала на улицу и пошли в неизвестном Крутову направлении. Шарлотта без перерыва очаровательно щебетала, рассказывая что-то о себе, о своей семье, о школе. Федор Иванович делал вид, что внимательно ее слушает, хотя думал со всем о другом. Во-первых, он не нашел Дмитрия, чтобы предупредить его о ремонте квартиры, а во-вторых, он должен торопиться, чтобы успеть на вечерний поезд до Марселя. И еще он поймал себя на мысли, что, наверное, со стороны они выглядят весьма странной парой – мужчина средних лет ведет под руку миленькую девочку в береточке, коротком платьице, туфельках на низком каблучке с портфельчиком в руках. Как будто прочитав его мысли, Шарлотта остановилась около пешеходного перехода и, проговорив скороговоркой «мерси», быстро пошла, не оглядываясь, к остановке автобуса на противоположной стороне улицы.

Уже сидя в поезде на Марсель и анализируя свою встречу с Шарлоттой, Федор Иванович никак не мог сформулировать: что его в этой девочке зацепило, чем она его так заинтересовала и по чему он продолжает о ней думать. И тут он понял: он давно не видел такого искреннего и открытого человека. Он давно не участвовал в разговоре, где собеседник говорит то, что думает. Он давно не высказывался, не подбирая тщательно слова. Он просто давно не соприкасался с чем-то настоящим, естественным и чистым. Дело в том, что все разговоры в эмигрантской среде, где Федор Иванович последнее время обретался, сводились к политике, а через

нее – к возможным заработкам. Среди эмигрантов махровым цветом расцвели лживые рассказы о том, кто и кем был до эмиграции. Выдуманные истории о мнимом богатстве, о связях в академических и государственных структурах не выдерживали никакой критики. Все наперебой лили грязь на Россию, на большевиков и жидов, лишивших их родины. Все крутилось вокруг денег, которые они там оставили, а все разговоры о людях сводились к одному простому тезису: полезен этот человек или нет. Более того. Образование и интеллект человека никого здесь не интересовали. Даже называть себя инженером среди русских было крайне неосмотрительно, так как можно было нарваться на какую-либо грубость.

1.10

Вернувшись из Марселя, Федор Иванович, серьезный и солидный человек, в надежде увидеть Шарлотту, снова пришел в клуб. Обойдя несколько раз зал и осмотрев все закоулки, он понял, что ее сегодня здесь нет. Покрутившись в клубе около часа и повстречав всех – кого хотел и кого не хотел, Федор Иванович ушел домой. Так повторялось несколько дней. С утра он загадывал, что обязательно сегодня ее увидит, а вечером, не встретившись с ней, впадал в состояние полной прострации. Самое ужасное, что у него не было ни малейшей зацепки получить о ней какую-либо информацию. Ведь он даже при знакомстве не поинтересовался ее фамилией.

Поиск Шарлотты был, по всей видимости, совершенно бес перспективным занятием. И тем не менее он не терял надежды ее найти, обдумывая всякие мыслимые и немыслимые варианты. Один из них ему показался наиболее удачным и эффективным: он решил принять участие в очередном политическом диспуте в дискуссионном клубе. Может, через это мероприятие найдется Шарлотта, которая заинтересуется этим диспутом. Тему диспута обо звали очень обтекаемо «Наши перспективы», что позволяло, как заметил Водя, участвовать в нем всем желающим. Диспут назначили на будний день, так как в выходные люди или уезжали отдыхать за город, или шли на берег канала, чтобы погулять и позагорать. Федор Иванович готовился к диспуту ответственно и основательно. Он обложился литературой, чтобы сформулировать суть эмигрантского движения не только во Франции, но и в других странах. В своей речи он хотел донести до людей, чем русская эмиграция прежних лет отличается от нынешней, в чем ее преимущества и недостатки. Но то ли под влиянием плохого настроения, то ли в силу своей научной принципиальности, картина будущего вырисовывалась в его рассказе весьма безрадостная. Основной вывод выступления профессора Крутова сводился к тому, что участие в русском эмигрантском движении совершенно бессмысленно и бес перспективно. Но ему не дали договорить до конца, так как из зала посыпались вопросы, больше похожие на грубые выкрики.

– Скажите, пожалуйста, а почему русскую эмиграцию во Франции откровенно не уважают?

– Я бы не сказал, что не уважают. Ее просто не боятся потерять, так как французское общество не видит в русской эмиграции никакой электоральной силы.

– Чересчур сложно выражаетесь, профессор. Объясните, что Вы имеете в виду?

– Попробую. Уважительное отношение к себе можно на Западе обрести только в результате профессиональной деятельности. И больше никак. Поэтому винить кого-то за то положение, в котором многие здесь оказались, кроме самих себя, никого не следует. Хорошие деньги платят за хорошую работу. Это надо просто учесть в будущем, так как других вариантов победить здесь в борьбе за место под солнцем не существует.

– Так дадут нам власть когда-нибудь или нет? – выкрикнул кто-то со злостью из последних рядов зала. Вопрос был хамский, но Федор Иванович все же решил на него ответить:

– В государственной политике, также как и в экономике, существуют законы, которые работают, независимо от нашего к ним отношения. Продавец на рынке кричит во все горло известные ему три слова по-русски, так как очень хочет привлечь к себе покупателей. А власть предержавшие зазывать в свои ряды никого не должны и не будут. Они, наоборот, стремятся оградить свое жизненное пространство и сохранить блага, которыми пользуются. А тут мы пришли и требуем от них поделиться деньгами, влиянием и другими благами. Господа, да Вы в своем уме?

По ходу своих ответов на вопросы Федор Иванович почувствовал, что в зале растет напряжение. Периодически раздавались угрожающие выкрики, а через некоторое время несколько человек, прорвавшись к трибуне, стали вырывать у него микрофон. Люди начали скандировать лозунги, мешающие ему говорить. В воздухе запахло физической расправой. Однако Шарлотты, ради которой профессор Крутов задумал свое выступление на совершенно не нужном ему диспуте, в зале, к его сожалению, не было.

1.11

Профессор Буржэ выполнил свое обещание, согласно которому Федора Ивановича не брали на работу ни в один французский университет. На все обращения по поводу своего трудоустройства он получал вежливый отказ. Прекратив заниматься самообразованием и взяв себя в руки, Федор Иванович устроился работать корректором в городской газете. В ней же он вел колонку на русском языке с французским резюме, где отвечал на насущные вопросы, которые задавали русскоязычные читатели. Работал профессор Крутов в газете всего три дня в неделю, а остальное время посвящал науке, просиживая в городской библиотеке до ее закрытия. С Димитрием их жизненные дороги разошлись. Тот продолжал активно заниматься политикой, даже вошел в состав какого-то совета по правам человека, в то время как Федор Иванович полностью потерял интерес к этой теме.

Год назад они с Димитрием разъехались. Сейчас Федор Иванович снимал одну небольшую полутораконатную квартиру, в которой хозяйка, в силу дефицита своей жилой площади, держала рояль. В детстве Федор Иванович, по настоянию мамы, брал уроки музыки игры на фортепиано у частного педагога. Слух у него был неплохой, но музыкальные способности были посредственными и поэтому, по окончании реального училища, музыкой он заниматься прекратил. Сейчас, живя далеко от России, он остро почувствовал тягу ко всему русскому. Это у него проявлялось не только в гастрономических пристрастиях, которые он удовлетворял регулярным посещением русских ресторанов. Но и постоянным желанием слушать русскую музыку и исполнять ее самому. И хотя Федор Иванович больше двадцати лет не подходил к инструменту, оказалось, что пальцы все помнят: они сами находили нужные клавиши, регулировали темп исполнения и расставляли оттенки. Сегодня ему почему-то очень захотелось сыграть «Времена года» Чайковского, услышать чудесные звуки сменяемых друг друга месяцев. Федор Иванович быстро оделся и поехал в центр города, где он видел музыкальный магазин. Там должен был быть и нотный отдел. Рассуждения его не подвели – в магазине он купил несколько альбомов с произведениями русских композиторов Чайковского, Рахманинова, Скрябина. Не удержался, чтобы не приобрести и любимые им с детства ноктюрны Шопена. Однако от дальнейших покупок его удержало отсутствие денег. Возвратившись домой, Федор Иванович сел за инструмент и открыл первые попавшиеся купленные ноты. Это были прелюды Рахманинова. К сожалению, исполнить любимые произведения он, из-за огромного перерыва в игре на рояле, не мог. И тем не менее, Федор Иванович не расстроился и не растерялся – он стал ноты пропевать. Его добротное знание нотной грамоты и давнишнее знакомство с клавиром было достаточным, чтобы вспомнить эти мелодии и погрузиться в мир музыки.

В тот день Федор Иванович провел несколько часов за инструментом. Он понял, что музыка в его теперешнем положении одинокого человека – исключительно важна. Он нашел в музыке нужную для его настоящей жизни точку опоры. Теперь, закончив работу в редакции, Федор Иванович не бродил бесцельно по городу, не си дел часами в парке с газетой, не проводил вечера в кафе, наблюдая за какой-то особой природной раскованностью французов. Он спешил домой, чтобы поскорей насладиться музыкой, но уже в собственном исполнении, услышать любимую мелодию. Даже на женщин ему стало жалко тратить время, хотя и раньше он ими не очень увлекался. Отношения с женщинами у Федора Ивановича вообще складывались весьма просто. Он с ними легко встречался и также легко расставался. Причем, независимо от того, где эти встречи происходили – у него дома или в каком-то другом месте, он хотел после встречи поскорее остаться один. Это было вполне естественно, так как, с одной стороны, он еще не отошел от трагедии, приведшей четыре года назад к смерти жены. А с другой, пока не встретил человека, который бы вызвал у него чувство любви. Со временем он понял разницу в общении с русскими женщинами и француженками. Она заключалась в том, что первые, как правило, настаивали на продолжении романа, а вторые – сразу начинали обсуждать с ним денежные проблемы. И только Шарлотта – удивительная девочка, не вписывалась в его рассуждениях ни в одну схему.

1.12

Шарлотта Диброфф родилась в Лионе в 1908 году. Отец Шарлотты, русский офицер, во время русско – японской войны попал в плен. После освобождения из плена в 1906 году не захотел возвращаться в Россию и поехал во Францию. Через год женился на учительнице французского языка, преподававшей в центре приема эмигрантов. Вскоре он нашел себе неплохую работу на заводе, а мать Шарлотты после рождения третьего ребенка посвятила себя полностью воспитанию детей. Отец, хотя уже прошло много лет со времени его службы в русской армии, требовал от домочадцев флотской дисциплины и порядка. Более того, с целью сохранения русского языка он всем запрещал дома говорить на французском языке. Только по-русски. Он прекрасно сознавал, что в его отсутствие все общались между собой на французском, но он непоколебимо стоял на своем. Логика его рассуждений была очень проста и убедительна:

– Французский язык, – внушал отец своим детям, – вы и так будете знать через школу, улицу, друзей. А вот русский – только через меня. Считайте, что каждому из вас я дарю вторую жизнь, даю возможность всегда заработать на кусок хлеба. Со знанием русского языка вы сможете работать гидом, переводчиком, корректором, воспитателем, сиделкой и т. д. И не старайтесь обмануть меня – я все равно узнаю.

Каждый день отец, уходя на работу, оставлял задание своим детям: прочитать и пересказать друг другу какой-либо русский текст (благо на улице на каждом шагу продавалась русская литература). Написать этот текст по-русски и дать прочитать его другому члену семьи для выявления и исправления ошибок. Для этого он завел и соответствующую форму контроля – под каждой письменной работой располагались две дополнительные строчки: прочитал... проверил... Этой системой учета и контроля он включил в процесс изучения русского языка всю свою семью. К Шарлотте, как к старшей из детей, отец предъявлял особые требования. Он хотел, что бы она была адвокатом. По его мнению, это позволит ей не только хорошо зарабатывать через богатых русских клиентов, которых во Франции было предостаточно, но и в дальнейшем помогать младшим братьям получить образование. Эти доводы очень нравились его жене и та активно помогала ему в реализации этих планов. В соответствии с мнением отца Шарлотта, закончив школу, поступила в Сорбонну на юридический факультет, и только на каникулы приезжала в Лион.

1.13

Сегодня у Федора Ивановича было какое-то особое настроение. Настроение легкости и внутреннего покоя. Жизнь потихоньку налаживалась – в прошлом месяце за подготовленный по заказу редакции литературный обзор он получил неплохой гонорар. На эти деньги он собирался поехать на музыкальный фестиваль итальянских композиторов в Авиньон, о котором прочитал вчера в газете. Федор Иванович даже подумывал позволить себе в будущем небольшое путешествие по Европе или вообще махнуть за океан. Живя во Франции уже четыре года, он еще никуда из страны не выезжал, хотя материальное положение его заметно укрепилось. Взбежав в хорошем темпе в редакцию на достаточно высокий третий этаж, он не почувствовал одышки, что позволяло говорить о его хорошей физической форме. Но, не успев еще опуститься в свое рабочее кресло, он услышал телефонный звонок:

– Федор Иванович, здравствуйте, – произнес на том конце провода по-русски женский голос. – Вы, конечно, меня не узнаете?

– Нет, – честно ответил Крутов. Он даже не мог предположить, кто это мог быть. В трубке прозвучал голос, который он никогда в жизни по телефону не слышал.

– Извините за бестактный вопрос. А Вы кто?

И тут прозвучал ответ. Ответ до такой степени неожиданный, что Федор Иванович на мгновение лишился дара речи.

– Я – Шарлотта. Вчера случайно наткнулась на Вашу статью в одном из французских журналов. Вот нашла адрес редакции и решила позвонить. Вы этому не рады?

Это в самом деле была Шарлотта – искренняя, непосредственная девочка, которая на мгновение, несколько лет назад, чиркнула по его сердцу и пропала. Только Шарлотта могла быть уверена, что по прошествии более двух лет ее узнают, а главное, будут рады слышать ее голос.

– Конечно, рад – залепетал Федор Иванович, – но я даже не могу себе представить, что...

– И не надо Вам ничего представлять. Я просто завтра собираюсь приехать из Парижа в Лион. Навестить своих родителей. Если Вы не возражаете, мы можем встретиться. В какое время Вам будет удобно?

– Давайте часиков в пять.

– Ну и прекрасно. Значит, до завтра.

На той стороне линии положили телефонную трубку и гудки приглашали его сделать то же самое. Совершенно обалдевший от состоявшегося разговора Федор Иванович вдруг задал себе вопрос:

– А где же они с Шарлоттой должны завтра встретиться? Почему он это не уточнил? Немного подумав, он усмехнулся. Ну, конечно, в редакции его газеты. А где же еще?

Дальше работать сегодня Федор Иванович уже не мог. Собрав все бумаги в одну стопку и небрежно положив их в верхний ящик письменного стола, что он никогда не делал, Федор Иванович надел шляпу, закрыл комнату и вышел на улицу. Он не спеша пошел по направлению к парку, но пройти сумел только несколько десятков метров и опустился на первую попавшуюся скамейку. Федор Иванович не мог сказать, что ему было плохо. Нет, ему было хорошо. Но он почувствовал во всем теле такую слабость, что вынужден был прекратить движение. Его вдруг потянуло в сон. Он даже на некоторое время прикрыл глаза и запрокинул голову. На его необычное состояние обратила внимание проходящая мимо пожилая дама, которая заинтересовалась – не нужна ли ему по мощь. Он вежливо отказался, но продолжал сидеть на скамейке. Его ладони стали влажными, а рубашка – мокрая от пота. Он тяжело дышал. Почему-то не было сил подняться и пойти дальше. Федор Иванович понимал, что это связано с Шарлоттой. Она была причиной того, что он так разволновался.

Он сидел и думал – в чем дело? Почему он так болезненно отреагировал на ее телефонный звонок? Чего он так испугался? Ведь это был испуг и не нужно себя обманывать. Что вызвало у него такой страх перед завтрашней встречей? Ведь он мечтал об этом много дней. Федор Иванович не находил объяснения всему, что с ним происходит. Он даже в какой-то момент решил вернуться на работу и попросить телефонистку найти – с какого номера звонили ему из Парижа. А потом сказать Шарлотте, чтобы она завтра не приезжала. Но Федор Иванович отверг эту мысль – звонок мог быть сделан с любого, случайного уличного телефона. А потом, если он даже и найдет Шарлотту – что он ей скажет? По какой причине им не надо встречаться? Честно признаться, что он ее боится? Так это уже клиника. Здесь может помочь только врач. А в этом он не хотел признаться даже самому себе.

Федор Иванович просидел в парке до самой темноты, после чего с большим трудом поднялся со скамейки и побрел домой. У него было такое впечатление, что он сегодня весь день занимался тяжелой физической работой: гудели ноги и руки, а спину так ломило, что он придерживал поясницу рукой. Живот тоже свело и он вспомнил, что с утра ничего не ел. Правда, желания кушать не было, но он себя заставил зайти в первое попавшееся кафе и взять чашечку кофе. Посидев немного, он заказал себе еще кофе и круассан. Примерно через полчаса ему стало легче – он почувствовал, что к нему возвращаются силы. Взяв на вечер еще два круассана и порцию паштета, он отправился домой. Несмотря на ужасно трудный, в психологическом отношении день, Федор Иванович быстро заснул. Однако он хорошо знал себя – все неприятное, что его огорчало и угнетало на кануне, всплывет утром следующего дня с новой силой. Таким образом, все нравственные муки ему предстоит еще раз пережить завтра. Это были, как правило, самые тяжелые для него часы, связанные с анализом всего плохого, что произошло в его жизни накануне.

Так как Федор Иванович сам себе устанавливал график работы, то никуда с утра он не пошел и пролежал в кровати до полу дня, размышляя о ситуации, в которой оказался. Он, как многие из мужчин, достигших зрелого возраста, боялся каких-либо перемен в своей жизни. В этом он видел только отрицательную сторону и старался всегда как можно дальше держаться от этого. Федор Иванович, несмотря на свою мужественную внешность, был соткан из страхов: панически боялся зубной боли, при виде крови терял сознание. Он сразу бросил курить, когда врач только намекнул ему о туберкулезе легких. Храбрость его посещала только при занятии наукой – здесь он не шел ни на какие компромиссы.

И сейчас, лежа в постели и затягивая момент ее покидания, он продолжал себя накручивать: что может быть общего между молодой девушкой и пожилым профессором, которому недавно исполнилось сорок шесть лет? О каких общих интересах может идти речь? Что может связывать людей, проживающих так далеко друг от друга? И тем не менее, вопрос, на который он не мог дать ответ, был очень простым: зачем ему нужна сегодняшняя встреча с Шарлоттой и какие могут быть от этого последствия? Еще некоторое время поразмышляв на эту тему, Федор Иванович встал с кровати, нагрел чайник горячей воды и помыл голову. После этого он почувствовал себя бодрее. Однако без большого энтузиазма побрился, подушился, надел самую лучшую рубашку и повязал свой любимый галстук. Остатки горячей воды использовал для заварки чая, с которым доел оставшийся со вчерашнего вечера круассан.

1.14

Было два часа дня, когда Федор Иванович вышел из дома. До встречи с Шарлоттой оставалось еще три часа. Но он больше не мог находиться в квартире. Он хотел покинуть это замкнутое пространство, так как чувствовал себя там разбитым и подавленным. У него было впечатление, что он вчера переболел какой-то очень тяжелой болезнью. А сегодня, после болезни, впервые оказался на улице, где все было для него новым и интересным. Он почему-то

раньше никогда не обращал внимания на витрины магазинов, на назойливую рекламу, на хмурых мужчин и улыбающихся женщин. Он вдруг понял, что на улице очень интересно и ему до всего есть дело. Улица – это не только кусок земли, по которой человек ходит на работу и обратно. Улица – это театр, где все люди участвуют в спектакле, который называется жизнь. Им совершенно нет до него никакого дела, а тем более до его филологической науки и душевного состояния. Люди все время на улице играют и предлагают ему сыграть какую-нибудь роль. Он не должен от этого отказываться, так как если все начнут отказываться, то улица перестанет быть привлекательной. Через это все на земле может потерять интерес. Он вдруг понял, что является очень важной фигурой в этом жизненном спектакле, убрать которую с авансцены никак нельзя.

Федор Иванович даже не заметил, как снова оказался в парке, где его вчера душили сомнения. Где он был готов совершить ужасный, неосмотрительный поступок – отказаться от встречи с Шарлоттой. Он долго ходил по парку, выбрав какой-то совершенно непонятный маршрут, возвращающий его все время в одну и ту же исходную точку. Федор Иванович загребал ногами опавшие листья, которые приятно шуршали под ногами и издавали чудесный за пах прелой листвы. Но он всего этого не замечал, думая о том, как Шарлотта сейчас выглядит? Что он скажет, увидев ее, и что она ему ответит? Он пытался разыграть сцену встречи от начала до конца, проговаривая текст то за нее, то за себя. Но у него это плохо получалось. В половине пятого Федор Иванович уже был в своем рабочем кабинете. Сначала он просто сидел за столом, ничего не делая, нервно передвигая по поверхности стола все, что там лежало. В половине шестого он начал ходить по комнате, убыстряя темп. Он чувствовал от ожидания легкий озноб, несмотря на то, что в комнате было достаточно тепло. Но ничего с собой поделывать не мог.

Шарлотта появилась на пороге его кабинета в пятнадцать ми нут седьмого, опоздав больше, чем на час. Без извинений за опоздание, без каких-либо оправданий, она открыла дверь и встала в проеме двери:

– Привет, а вот и я.

Просто и незатейливо, как будто они знают друг друга уже много лет, как будто только вчера расстались. Как будто не промелькнуло два года с их первой и единственной встречи. Это была та же Шарлотта и одновременно не та. Для той Шарлотты, наивной простоватой девочки, Федор Иванович, не задумываясь, нашел бы правильные отеческие слова. Для этой у него слов не было вообще.

При появлении Шарлотты профессор Крутов встал со стула и уже больше не садился.

– А что Вы, Федор Иванович, стоите и молчите? Никак не проявляете своего восторга от встречи со мной? Неужели Вам приходится часто видеть в своем кабинете красивых молодых особ, типа меня? Неужели Вы не хотите подать мне руки?

Шарлотта сама прошла к столу и, не дожидаясь приглашения, села на свободный стул, отодвинув его почти на середину комнаты. С одной стороны, она тем самым обозначила дистанцию, несмотря на ее игривое настроение, которую им следует соблюдать. С другой, она позволяла Федору Ивановичу рассмотреть ее со всех сторон и оценить перемены, которые в ней за это время произошли. А смотреть в самом деле было на что: Шарлотта превратилась за два года, что они не виделись, в даму, начиная от одежды и кончая манерой поведения. Даму самоуверенную, знающую себе цену и не позволяющую хоть на минуту в этом усомниться. Федор Иванович пони мал, что инициатива и напор, которые демонстрировала Шарлотта с первого момента появления у него в кабинете – это, своего рода, наступательная защита. Она позволяла ей не показаться Крутову снова маленькой девочкой в беретке, внимающей с ученическим прилежанием нравоучительные слова пожилого метра. И Федор Иванович принял на данном этапе предложенные ему правила игры.

– Ну почему не хочу подать Вам руку, мадемуазель? – Выдавил, наконец, из себя Федор Иванович. – Я просто жажду это сделать, но Вы мне не даете даже раскрыть рот. Не то, чтобы осуществить какие-либо действия в отношении Вас.

– Что Вы, что Вы, Федор Иванович. Я буду просто счастлива, если Вы, наконец, ко мне прикоснетесь, – засмеялась Шарлотта и тут же перевела разговор на другую тему.

– А вообще, давайте пойдем на улицу. Там и поговорим о нашей жизни. Я Вам расскажу о себе, а Вы – о себе.

Они вышли из здания редакции. Был обычный осенний вечер: моросил мелкий дождь, слабый ветерок лениво гонял по тротуару мокрые листья. Погода позволяла гулять под зонтиком, но лучше было зайти в какое-нибудь кафе и посидеть в тепле. Кафе, которое им попало по пути, было почти пустым. Они нашли свободный столик и попросили официанта, чтобы тот к ним никого не подсаживал. Федор Иванович помог Шарлотте снять накидку и сам снял с себя плащ. Оказалось, что под накидкой на ней была только тоненькая полупрозрачная блузка, которая, естественно, не грела. Не было сомнения, что Шарлотта замерзла, но она не подавала вида. Когда подошел официант, Федор Иванович, без согласования с ней, заказал два бокала глинтвейна и пирог с творогом. На ее вопросительный взгляд он заявил тоном, не терпящим возражений:

– Шарлотта, может быть, Вы еще что-нибудь хотите покушать или выпить? Скажите, не стесняйтесь.

– Нет, нет, все хорошо.

И тут Федор Иванович поймал себя на том, что он перешел в обращении к Шарлотте на Вы. Что в отношениях с ней он воздвиг сам себе какое-то искусственное препятствие, которое не дает ему вернуться к шутливому тону их общения в первый вечер. Шарлотта говорила без умолку: она рассказала, как закончила школу, почему поехала учиться в Сорбонну. В связи с чем выбрала юридическую специальность. Что ее интересует в жизни. Федор Иванович ее не перебивал и внимательно слушал. Ему все было интересно в ее рассказе. Лишь бы звучал ее голос, лишь бы она была рядом.

В районе девяти часов вечера Шарлотта, с присущей ей непосредственностью, остановилась на середине предложения, а затем выпалила:

– Ой, извините, мне нужно идти домой. Я ведь предупредила родителей, что приеду сегодня в Лион. Они меня ждут и волнуются, где я так поздно задержалась.

– Я надеюсь, что Вы позволите мне Вас проводить? – робко заметил Федор Иванович.

– Буду весьма признательна.

1.15

Они как-то очень быстро дошли до дома, где жили родители Шарлотты. Всю дорогу говорила в основном она, но и Федор Иванович сейчас не молчал. Для того, чтобы он активно участвовал в беседе, Шарлотта подбросила тему, связанную с русскими классиками и их местом в мировой литературе. Уж здесь Федор Иванович развернулся, но и Шарлотта оказалась весьма начитанной и грамотной девушкой. Вечер подходил к концу, однако Шарлотта даже не поинтересовалась, где Федор Иванович живет, как проводит время, кто его окружает. Продолжает ли он посещать общественно-политический клуб, где они познакомились. Он тоже не задавал ей вопросы, несмотря на его огромное желание узнать о ней как можно больше.

Они стали прощаться. Она первый раз протянула ему руку.

– Спасибо, что Вы сегодня уделили мне столько внимания. Если хотите, можно встретиться завтра. Как Вы на это смотрите? Не возражаете? – спросила Шарлотта.

– Я буду счастлив, – чуть слышно произнес Федор Иванович.

– Ну, тогда подходите к этому подъезду к двенадцати часам. У нас будет с Вами весь день впереди, так как я уезжаю в Париж вечерним поездом. Думаю, что мы его чудесно проведем.

И она ушла. А Федор Иванович добрел до ближайшей скамейки и, зачем-то обойдя ее с другой стороны, сел на спинку. Потом, не обращая ни на кого внимания, вскочил на скамейку и громко прокричал на всю улицу «ура». Со стороны его можно было запросто принять за городского сумасшедшего. Но это было не так. Далеко не так. Дело в том, что Федор Иванович внезапно принял для себя решение: он завтра сделает Шарлотте предложение и в случае ее согласия уедет с ней в Париж. Он не может ее второй раз потерять. Он этого просто не переживет. Продолжать жить ему в Лионе, а ей учиться в Париже – безоговорочно исключалось. Ему, грамотному, высокопрофессиональному человеку, найти работу корректора или редактора в любой парижской газете – не представляло никаких трудностей. Ей же оставить учебу в Сорбонне – было исключено. Он почувствовал такой необыкновенный прилив сил от принятого решения, что даже подпрыгнул на месте и сделал какое-то немислимое «па» ногами. Федор Иванович почувствовал, что окончательно вышел из своего ужасного состояния разбитого, расклеенного, несчастного человека. Сейчас он снова был боец, четко сформулировавший цель своих дальнейших поступков. Ему вдруг ужасно захотелось курить, хотя он уже давно бросил это занятие. Он пошарил на всякий случай по карманам, но нашел там только мятную конфету, которую с удовольствием отправил в рот.

Придя домой, Федор Иванович достал из ящика стола чистый лист бумаги, ручку и с присущей ему скрупулезностью стал составлять два списка поручений себе: первый – что ему завтра нужно сделать, второй – что с собой взять. Первый список, простой и понятный, состоял из четырех пунктов:

- послать по почте в редакцию заявление об увольнении;
- расплатиться с квартирной хозяйкой;
- написать Димитрию письмо, оставить его в почтовом ящике;
- забрать деньги в банке и закрыть свой счет.

Второй список составить оказалось значительно сложнее. И дело было не в личных вещах – все они практически уместились в том саквояже, с которым он приехал во Францию четыре года назад. Он затруднялся решить, что делать с книгами и рукописями его работ. Книг было немного, несколько десятков. Их он просто, по старой студенческой привычке, сложит стопкой и перевяжет веревкой. Однако с рукописями все было значительно сложнее. Они все были для него одинаково дороги и все ему хотелось сохранить. Сначала он пытался рукописи перебирать, но по прошествии не скольких часов принял единственно правильное на данный момент решение. Он попросит квартирную хозяйку их сохранить до его следующего приезда в Лион.

На часах было уже около трех часов ночи, но спать не хотелось – внутренний подъем от принятого решения пьянил Федора Ивановича, наполнял его энергией. Проспав несколько часов, быстро помывшись и побрившись, он приступил к осуществлению программы дня. Нигде не было никаких сбоев, за исключением того, что служащий в банке, хорошо знавший Федора Ивановича, поинтересовался, почему он снимает все деньги и закрывает счет. И тут он решил поделиться своими планами с совершенно посторонним человеком:

- Да вот, уезжаю в Париж. На новом месте деньги будут нужны.
- А в связи с чем, простите за любопытство, связан Ваш переезд на новое место жительства? – не унимался служащий.
- Женюсь, а будущая жена – студентка. Она нуждается в моей моральной и материальной поддержке.
- Странно как-то получается: Вы – профессор, уважаемый человек, едете за какой-то студенткой. По-хорошему, она должна переехать к Вам сюда...
- Я так решил... – оборвал разговор со служащим Федор Иванович и вышел из банка.

К сожалению, вездливый служащий банка своими замечаниями снова всколыхнул в его душе привычку во всем сомневаться. Как типичный интеллигент, он всегда был полон противоречий, принимая какое-либо решение, многократно обсуждая все за и против. Однако сегодня в своем желании сделать предложение Шарлотте он абсолютно не сомневался. Подхватив баул с вещами и перевязанную веревкой стопку книг, он уверенной походкой направился в ювелирный магазин, где почти на все деньги, снятые в банке, купил очень симпатичное, в красивой коробочке, кольцо. Федор Иванович сегодня гордился собой, своими юношескими поступками. Он, правда, не знал, что ему на его предложение ответит Шарлотта. Но в любом случае борьбу с самим собой он уже выиграл.

1.16

Федор Иванович, подойдя без пятнадцати двенадцать к дому Шарлотты, расположился прямо на ее крыльце. Так как на дворе была все-таки осень, то он решил не садиться на каменные ступеньки, а подложил для этого стопку книг. Рядом с собой он поставил свой баул и стал ждать, когда Шарлотта выйдет из подъезда. Ровно в двенадцать часов хлопнула выходная дверь и появилась она – красивая, уверенная в себе, излучающая молодость и красоту.

– Здравствуйте, Федор Иванович, а это что Вы с собой прихватили? Ведь мы собрались идти гулять?

Федор Иванович опустил на две ступеньки вниз, чтобы быть вровень с Шарлоттой, и срывающимся от волнения голосом произнес:

– Мадемуазель Шарлотта, я Вас люблю. Будьте моей женой. Вы меня плохо знаете. А вернее, совсем не знаете. Но поверьте мне – я оправдаю все Ваши надежды. Я за Вас жизнь отдам.

После этого монолога Федор Иванович полез в карман пальто и трясущимися руками вытащил коробочку с кольцом. Он ее от крыл и робко протянул Шарлотте. На внутренней стороне кольца была выгравирована дата – 17 ноября 1926 года.

Сейчас он был похож на юношу, смиренно взирающего на объект своего обожания и ждущего провозглашения ее вердикта. Шарлотта, не отрывая взгляда от Федора Ивановича, тихо сказала:

– Я Вас тоже люблю. Уже два года. Извините, но поцеловать Вас я пока не готова. И кольцо от Вас сегодня тоже не могу принять.

Она протянула ему обе руки и они, не отрывая взгляда друг от друга, взявшись за руки, простояли еще несколько минут. После этого Федор Иванович, не отпуская руки Шарлотты, сел на ступеньки. Шарлотта последовала за ним. Он прижал ее к себе как маленького ребенка, который, если его отпустить, начнет снова делать какие-то глупости. Шарлотта пришла в себя первой:

– Видите ли, Федор Иванович, то, что Вы сейчас сказали не сколько прекрасных слов о любви, мне было очень приятно слышать. И тем не менее хочу Вам напомнить, что мне всего 18 лет, я студентка 1 курса. Мне нужно серьезно и долго учиться. Вы – про шедший через серьезные жизненные испытания человек, профессор. А я – девочка, только что выпорхнувшая из семейного гнезда. Мы по большому счету друг друга просто не знаем – встретились второй раз. Ну и, наконец, я живу на съемной квартире, еще с одной девочкой. Вы что, собираетесь общаться со мной на улице? Куда я Вас приглашу? Поймите, я Вас не учу жить. Боже сохрани. Но Вы должны трезво взглянуть на данную ситуацию. Я уже не говорю о том, что здесь у Вас есть работа, а в Париже ее может не быть.

– О моей работе не волнуйтесь. У нас будет все в порядке. И дом у нас будет замечательный.

– Ну, ладно. Будем надеяться. А теперь, Федор Иванович, Вы мне не скажите, что это у Вас за вещи?

– Это мои вещи. Сегодня утром я съехал со съемной квартиры и рассчитался с хозяйкой. Вещи принес с собой, так как больше не собираюсь с Вами расставаться. Сегодня вечером мы вместе уезжаем в Париж. Я так решил и обсуждать это не имеет смысла.

Потом, сделав небольшую паузу, Федор Иванович прошептал Шарлотте на ухо, как будто и не было ее страстного монолога:

– И все-таки может мне стоит сегодня поговорить с Вашими родителями по поводу наших планов?

– Думаю, что это пока делать не следует. Давайте сначала попробуем сами в наших планах разобраться, а потом будем пугать ими моих родителей. В то же время думаю, что нам стоит, наконец, перейти на «ты». Как Вам кажется, профессор?

Глава 2. Аглая

2.1

Весной 1928 года в семье профессора Крутова родилась дочь Аглая. А летом 1930 года, при родах второго ребенка, спасти которого не удалось, Шарлотта умерла. Федор Иванович больше никогда не был женат, посвятив всю свою жизнь единственной дочери Аглае. Став весьма востребованным редактором в одном из известных парижских издательств, он был обеспеченным человеком и имел возможность дать дочери хорошее всестороннее образование. Аглая по окончании престижного столичного колледжа стала работать в богатой французской фирме ведущим техническим дизайнером.

Дом профессора Крутова в Париже был известным местом, где собирались начинающие и маститые литераторы, научные работники и деятели искусств, военные и чиновники различных ведомств. Здесь можно было пообщаться с интересными людьми и послушать музыку, завязать нужное знакомство и вкусно покушать (фуршетные столы накрывались до глубокой ночи), поиграть в карты или на бильярде. Здесь ощущалась добрая спокойная, немножко деловая, немножко интимная обстановка хлебосольного русского дома. Гости, как правило, говорили на французском, но нередко здесь можно было услышать и хороший русский язык. Федор Иванович до сегодняшнего дня боготворил свою наполовину русскую покойную жену, которая ушла из жизни совсем молодой. Никакой другой женщины на ее месте больше не было, да и представить кого-нибудь рядом с ним было невозможно.

Федор Иванович – мягкий и непрактичный по жизни человек – домом не занимался. Когда была жива жена, все хозяйственные вопросы были на ее плечах. После смерти жены дом вел его преданный помощник Димитрий, которого он привез в Париж из Лиона. Сейчас, когда подросла его единственная дочь Аглая, роль хозяйки была в ее крепких руках. Красавицей Аглая не была – худенькая, с маленькими ручками и ножками. Но она обращала на себя внимание своими очень выразительными, расположенными несколько навывкате, какими-то всегда печальными глазами. Казалось, что ее особый взгляд проникает внутрь человека и позволяет ей мгновенно понять, с кем она имеет дело и что от этого человека она может ожидать. Таинственный образ Аглаи дополняли гладкие волосы медного цвета, которые она собирала на затылке в один пучок. Глядя на нее, возникало впечатление, что Аглая сошла с какого-то восточного медальона или старинной монеты, хотя в роду Федора Ивановича и его покойной жены Шарлотты не было предков с подобной фактурой.

Внешне Аглая была мало похожа на покойную мать, но характером и умением принимать решение была ее точной копией. Она прекрасно справлялась с ролью хозяйки: с одной стороны, от ее внимания не ускользало ничего, а с другой, в доме никогда не чувствовалось никакого напряжения. Аглая полностью доверяла Димитрию, но все, что касалось отца, было предметом только ее забот. Может, это было связано с тем, что она в раннем возрасте лишилась матери. А может быть, потому что отец был для нее всем. Русских гостей в доме профессора Крутова обычно было не много, но когда они появлялись, Аглая принимала их лично, демонстрируя при этом достаточно приличный русский язык.

На этот вечер никакой особой программы не планировалось: завсегда и сидели в дальней комнате за игрой в покер. Несколько человек расположилось в салоне, где дочка одного из гостей, примерно шести лет, давала импровизированный концерт. Девочка неплохо для своего возраста играла на рояле, но вызывала всеобщий восторг, когда, ошибаясь, начинала сама заразительно смеяться. Никто не заметил, когда на пороге профессорского дома появились двое молодых мужчин. Один из них – работник торгового представительства советского

посольства Владимир Владимирович Васильев – был хорошо знаком с хозяином дома. Посольство иногда поручало Федору Ивановичу выполнение перевода материалов, связанных с описанием закупаемого иностранного оборудования. Второй мужчина был никому не знаком. Федор Иванович извинился перед своими собеседниками и пошел встречать новых гостей.

– Здравствуйте, господа. Я профессор Крутов. Рад Вас видеть.

Мужчины обменялись рукопожатиями, и Васильев представил хозяину дома своего товарища:

– Эксперт по оборудованию металлургических предприятий Кирсанов Александр Иванович. Из Москвы. В Париже находится в служебной командировке. Я позволил себе пригласить его к Вам в гости, пообещав познакомить с интересными людьми.

– Очень хорошо сделали, господин Васильев. Раздевайтесь, господа, и не стесняйтесь. У нас это не принято.

После состоявшегося знакомства с хозяином дома, молодые люди прошли к фуршетному столу и, взяв по бокалу вина, присели на свободные кресла в углу салона. Васильев буквально через десять минут после прихода куда-то исчез, растворившись в большой квартире, и Кирсанов остался один. Будучи от природы человеком застенчивым, он продолжал сидеть на том же месте, которое занял в начале вечера. В соответствии с инструктажем, который перед этим визитом провел с ним Васильев, в близкий контакт с русской эмиграцией Кирсанов вступать не должен. Никаких разговоров о работе ни с кем не заводить и информацию о себе постараться не давать. Поэтому Кирсанов сосредоточился на перелистывании красочных журналов, в избытке лежавших на столе. Пока через некоторое время приятный женский голос не нарушил его уединения.

– Здравствуйте, месье. Вижу, что Вы у нас в гостях впервые. Я – Аглая Крутова.

Кирсанов при ее появлении резко встал, чуть не опрокинув при этом на себя бокал с вином. Он понял, что перед ним дочь хозяина квартиры профессора Крутова.

– Инженер Кирсанов Александр Иванович. Можно просто Саша.

Она протянула ему руку, и он в ответ робко ее пожал.

– Что же это Вы, Александр Иванович, углубились в чтение журналов и больше ничего вокруг не замечаете? Я думаю, что Вы не только за этим к нам пришли. То, что Володя Васильев Вас бросил одного – мы ему еще за это выговорим, а вот Вам скучать не дадим.

В этот момент к ним подошел Федор Иванович и, извинившись, куда-то увел свою дочь. Федор Иванович вызвал в коридор Аглаю не потому, что у него появились к ней какие-то вопросы. Нет. Он вдруг почувствовал, что в компании с этим симпатичным молодым человеком его дочери грозит беда. Он не знал, что за беда и откуда она может придти, но он это чувствовал. Принято, как правило, говорить об уникальной интуиции женщин. Их удивительной связи с близкими людьми и уникальной способности ощущать проблемы на расстоянии. Даже физически ощущать их боль и страдания в режиме реального времени. Федор Иванович, по всей видимости, был исключением из этого правила. То ли потому, что он один, без жены, всю жизнь воспитывал дочь, то ли потому, что она удивительным образом была к нему привязана. Но сегодня, в этот вечер, он ощутил сильное внутреннее волнение, почувствовав страшную опасность для своей маленькой семьи. И эта опасность исходила от молодого человека, который только что разговаривал с его дочерью.

– Папа, ты мне что-то срочно хотел сказать? – спросила Аглая у Федора Ивановича, когда они остались одни.

– Да, я хотел тебя попросить помочь мне найти твое свидетельство о рождении. Мне завтра предстоит встреча с адвокатом по поводу оформления наследства, а я не знаю, где лежит этот документ.

– А что это нельзя было сделать, после того, как разойдутся гости?

– Конечно, можно было, но я побоялся, что забуду сказать тебе об этом сегодня. А завтра ты рано уйдешь на работу.

Профессор Крутов беззастенчиво врал своей дочери. И Аглая прекрасно понимала причину его необычного поведения.

2.2

Саша Кирсанов, после того, как Аглая оставила его в комнате, еще немного посидел в одиночестве, а затем оделся и, ни с кем не попрощавшись, покинул дом профессора Крутова. Он ушел не только потому, что ему в самом деле было скучно. Он ушел, чтобы успокоиться, так как впечатление, которое произвела на него Аглая, его просто вывело из состояния равновесия. Видел он ее всего несколько минут, а испытал от этого страшный шок. Этот шок можно было только сравнить по степени воздействия с северным сиянием, которое он впервые увидел в пятилетнем возрасте, когда их семья жила в военном городке под Воркутой. И тем не менее, северное сияние по сравнению с Аглаей – хрупкой девушкой, с огненными волосами и библейскими глазами, – не шло ни в какое сравнение. Это было чудо, которое он никак не ожидал увидеть в этом парижском доме. Кирсанов понял, что с появлением этой женщины в его жизни наступил новый этап. Он пришел в дом профессора Крутова одним человеком, а вышел – другим. Молодой, красивый, успешный, легко преодолевающий все жизненные преграды, Александр Иванович Кирсанов вдруг налетел на какое-то препятствие, обойти которое он не может. А главное, не хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.